

АЛЕКСАНДРА
ГАРДТ

ЭПОКА СМІЩЕНИХ СМЬІСЛОВ

16+

Александра Гардт
Эпоха лишних смыслов

«ЛитРес: Самиздат»

2013

Гардт А.

Эпоха лишних смыслов / А. Гардт — «ЛитРес: Самиздат», 2013

Вы когда-нибудь задумывались, что случается с неизданными книгами? Видели в страшных снах, как очередной графоманский бред про монстров и вампиров вдруг становится частью нашего мира? Как улицы городов заполняют легионы зомби, а небеса кишат кораблями инопланетных пришельцев, стремящихся поработить нашу несчастную Землю? Между тем для Германа, Розы и Максима это не кошмар, а серые будни. Их работа – сражаться с чудовищами, порожденными больной фантазией непризнанных гениев, рискуя погибнуть или остаться внутри текста навсегда. Ради того, чтобы сон разума никогда не стал явью. Итак, добро пожаловать в «Закрытие фантастических реальностей»!

© Гардт А., 2013

© ЛитРес: Самиздат, 2013

Содержание

Пролог	6
1	10
2	14
Станция	18
5	25
6	30
7	35
8	40
9	44
Конец ознакомительного фрагмента.	49

*You surround yourself with other **people** so the night doesn't seem quite so **dark**.
Shout down the sound of the **wind** with arguments about whose turn it is to wash the **dishes**.
Best not to **kid** yourself. Best not to give any **hostages** to fortune.
You're on your **own** in the end.
Always.
Where the hell **else** would you want to be?*

— *Mike Carey, Hellblazer, "All His Engines"*

*Ты окружаешь себя людьми, чтобы ночь не казалась такой уж темной.
Заглушаешь рев ветра спорами о том, чья очередь мыть посуду.
Лучше не обманываться. Лучшие — не давать гандикапа судьбе.
В конце ты один.
Всегда.
И что, черт возьми, ты хотел бы поменять в этом факте?*

— *Майк Кэри, "Хеллблейзер", "Все знания и искусство"*

Пролог

– Роза? Пойдите! – раздалось мне вслед.

Я замерла на месте. Передо мной в мгновение ока пронеслись все возможные реальности и вероятности. Выбор имени не оставил и шанса, взволновал и раздосадовал. Роза, псевдоним и запутанная история. Должно быть, поклонник случайно узнал на улице.

Улыбка далась с трудом, но я все же обернулась и даже подняла руку в приветственном жесте. Мужчина лет тридцати, кашемировое пальто, дорогие часы; симпатичный и чем-то знакомый. Такие не читают мою книгу.

– Вы на такси?

Я неопределенно кивнула, и понимание накатило волной, пригвождая к земле: Макс Гамов, автор фантастических романов, единственный писатель на свете, которого я по-настоящему уважаю.

– Давайте я вас подброшу, а водителю заплачу неустойку? Что скажете?

Он сделал пару шагов навстречу, и я наконец-то привычно подняла брови. Когда не испытываешь эмоций, подобным мелочам учишься очень быстро. Голова работала четко и ясно, несмотря на усталость. Скорее всего, увидел меня в ресторане, где я давала интервью очередному Интернет-порталу, и решил приклеиться. А что такого? Я фантаст – и он фантаст. Я красивая, и он ничего. Особенно для своих тридцати с чем-то. Как сразу-то не узнала.

– Давайте нет? – почти утвердительно бросила я и все-таки направилась к машине.

– Роза, да я же не в плохом смысле! Меня зовут Макс, Макс Гамов, может, слышали?

Он в два счета оказался рядом со мной, жутко высокий, жутко веселый, жутко выбивающийся из контекста. И, к тому же, по уши женатый. Заглянул в глаза, будто ждал чего-то.

– Объяснитесь, – бросила я и закашлялась. На улице стоял поздний октябрь и было прохладно, хотя жилетка-пуховик, купленная в Мадриде, отлично грела кости.

– Не хотел здесь, – он развел руками. – Если вкратце, то, смотрите, меня к вам направила организация...

В этот момент его сотовый разразился чем-то из классики. Я вздрогнула и, на всякий случай, сделала шаг в сторону.

Гамов нахмурился и беззвучно выругался. Потом, видимо, оценил ситуацию, подошел к мерседесу, нервно мигавшему аварийкой на проезжей части, договорился с водителем.

У меня оставалась только одна забота: не дать ему произвести слишком большое впечатление. Хватит и того, что, учась на третьем курсе истфака, я прочитала в каком-то неясном сборнике его рассказ и с полгода ходила влюбленная в текст.

– Пойдемте, Роза. – Как быстро обернулся.

Мы двинулись сквозь ряды машин – к очень заурядному и дорогому внедорожнику. Чего не отнимешь, просторен до крайности.

Я бросила взгляд на Гамова и почувствовала, как внутри что-то щелкает, ломается; вздохнула с облегчением. Наконец-то. Хорош Макс, побил все рекорды, минут пять меня интересовал. А теперь раскусила, нарисовала портрет. Добрый, симпатичный, вечный баловень всего и вся; женился рано, но брак крепкий, потому что по любви, да и подошли друг другу; дом – полная чаша, квартира даже своя, приличная трешка в неплохом районе, не центр, конечно. Тиражи – до небес. Даже сейчас. Несколько раз в год по заграницам, не публичен, вот, собственно, и все. Хороша Маша, да не наша. И не нужно.

Гамов включил зажигание, подул на ооченевшие ладони. Это что же, он меня на улице ждал? Я сдвинула брови, отмечая факт у себя в голове.

– Роза? Действительно – Роза?

– Макс? Действительно – Макс?

– Туше. – Он улыбнулся. – Как-то с трудом верится, что Роза Оливинская – настоящие имя и фамилия. Давайте так. – Он на мгновение задумался. – Знакомство оставим на потом, дело в том, что у нас прорыв, так что... Вот скажите, Роза, вы знакомы со всякими сайтами типа “Самиздата”?

Я кивнула.

– И знаете, наверное, что их много?

– Макс, – я впервые назвала его по имени и слегка удивилась мягко-резкому звучанию. – Давайте без эквивоков, обиняков и прочих сложных слов.

Гамов посмотрел на меня слегка озадаченно.

– Понимаете, – проговорил он. – Тут без сложных слов не получится. Но я попробую.

Следующие пару минут я слушала рассказ о том, как все изменилось с появлением Интернета, что теперь рукописи всяких графоманов не пылятся в ящиках, запертые на бумаге (так и сказал), а висят либо на одном сайте, либо на другом, на крайний случай – в личном дневнике, и каждый, каждый может их прочитать.

Как будто я из Каменного века и ничего не знаю.

– Максим, – вкрадчиво отозвалась я. – Если бы имела привычку удивляться, то сделала бы это незамедлительно. Представьте: иду с нудного интервью, в конце которого пришлось ждать, пока журналист соизволит расплатиться за свой – свой! – чай. Он делал мне такие глаза, видно, хотел навечно остаться моим жиголо. Один есть, хватит. Но суть не в этом! Иду, значит, и тут, вдруг откуда ни возьмись, Гамов. Собственной персоной. Человек, пишущий бестселлеры, становящиеся лонгселлерами, которые, в свою очередь, станут классикой. Гамов. Отменяет мое такси. Усаживает в свой джип. И рассказывает мне про “Самиздат”. Это сюрреализм.

Я даже развела руками – и запоздало поняла, что наговорила лишнего. Но деваться было некуда.

Гамов улыбнулся:

– А я все гадал, куда запропастились ваши эмоциональность и яркость, которые так видны в тексте, Роза. И потом, вам двадцать два года, а вы про неумение удивляться.

Получается, он читал мою книгу? Сердце сорвалось с цепи.

– Но вы правы, похоже на сюрреализм. Правда, дальше только хуже. С понятием “ноосфера” вы знакомы. Вдаваться не буду. Она действительно существует. Коллективное бессознательное – тоже. Разум меняет реальность, кто бы что ни говорил. И от количества людей... Как бы это сказать, – Гамов посмотрел мне прямо в глаза, – реальность передергивает и зашкаливает. Мысли, понимаете.

Я собралась что-нибудь возразить, но он и не думал замолкать:

– Вы пишете и создаете свою реальность, свою Вселенную. И до некоторых пор с этим не было никаких проблем. Началось – в две тысячи десятом. Знаете, мы не уверены до сих пор, как оно действует. Видимо, количество реальностей, ничем не удерживаемых, свободно болтающихся в воздухе, просто достигло предела. Раньше дешевенький ужастик могли прочитать только друзья и родственники нашего воображаемого графомана. Потом появилась печатная машинка. Круг расширился. Компьютер, электронная почта, чуετε, да? И наконец, специализированные сайты. В результате, вчера это бумага и от силы пять-десять человек. Сегодня это “Самиздат” и сто тысяч таких же графоманов, которым ужастик понравился. Сто тысяч людей, а? И висит он в Сети, нематериальный такой, бесплотный. В общем, закругляюсь. Каждая реальность, не закрепленная на бумаге, но воспринимаемая большим количеством умов, резонирует с нашей. Она рвется к нам. Со своими единорогами, бластерами и прочей ужасающей чушью.

– То есть, как? – Я только сейчас поняла, что сижу с открытым ртом. – Уж единорога с бластером я бы заметила, не прошла мимо.

Гамов покачал головой:

– Не было еще такого. Знаете, прореха в реальности – дело тонкое. Сначала она незаметна и растет крайне медленно. А потом, Роза, фантастов-то от общего числа графоманов мало. Любовных романов и бытовухи куда больше. Просто наш отдел этим не занимается. Соседний – да, и лажают они по-черному.

Я хмыкнула. Происходящее все больше напоминало дурдом, но мне нравилось. По крайней мере, не было скучно.

– Пойдете к нам стажером? – как в ни в чем не бывало закончил Гамов.

– Куда именно? В НИИЧАВО? – улыбнулась я.

– В Закрытие фантастических реальностей.

Я издала неопределенный звук, призванный высказать одновременно презрение, изумление и некоторую обиду, и дернула за ручку.

Дверь не открывалась. Я дернула еще раз, спокойная до невероятия.

– Нет, я же обещал отвезти тебя домой. А по пути как раз заскочим к прорыву, благо, времени достаточно, чтобы ты перестала считать меня идиотом и шутником.

Я даже не успела изумиться точности его формулировки, а машина уже сорвалась с места.

– Так почему Роза?

Я максимально равнодушно посмотрела сквозь лобовое стекло.

– Ладно, буду считать, что мой любимый сериал произвел на тебя неизгладимое впечатление.

– Мы уже на “ты”. – Я вздохнула. Сердце кольнуло с запозданием в десятую долю секунды, ничего себе развитие событий, какое скерцо, в самом деле. Может, он не о том говорит...

– Прости. Простите, виноват. Больше не буду.

– Так что за сериал? – спросила я.

– “Доктор Кто”.

Стало немного теплее, то ли от климат-контроля, то ли от сказанного. Имя “Роза” действительно было взято оттуда.

– Первый раз слышу. Но будем считать, что произвел, если вам так легче.

– О, легкость моего бытия просто невыносима! – Гамов засмеялся – и в очередной раз выбил меня из колеи. Только этим он и занимался, устраивал встряску за встряской.

Тут ему позвонили, и из обрывков фраз мне почему-то не удалось сложить ясной картины. Геолокация на телефоне подсказывала, что мы срочно рвем из центра.

– Роза, не бойтесь вы так, мы буквально на три минутки. А потом – дом, теплая ванная – и думать про старого безумного Гамова забудете.

Он смотрел на дорогу не отрываясь, но шутить не забывал. И шутил тепло и ласково. Я на всякий случай скинула смску Лешке, просто чтобы знал, где начинать искать тело, и откинулась на кожаную обивку. Полная комплектация, что там, конечно, не бедствует.

Машина резко затормозила, и я возмущенно развела руками. Гамов обернулся ко мне. Стояли мы на каком-то пустыре в Филях; на ум упорно шел Стивен Кинг. А потом, среди октябрьского марева я заметила его. Эфемерное голубоватое пятно, парящее в метре над землей.

Сердце подскочило в груди, и я задергала ручку, пытаюсь выйти.

– Видите, значит, – удовлетворенно сказал Гамов. – Собственно, на этом знакомство заканчивается...

Но пятно звало, пятно хотело, чтобы я... пришла. Я осмотрелась, жажнула по кнопке где-то на руле у Гамова, двери открылись, и я понеслась вперед, не слушая, что там сзади кричит какой-то жалкий человечиска.

Момент – я стою на пустыре и тянусь к сиянию, ужасно холодно. Момент – я уже на пыльной дороге и меня почему-то кусает за руку самый настоящий зомби, это противно, мерзко, да

все, я спеклась, теперь только пулю в голову. Момент – рядом появляется высокий красавчик, орет про то, что это выдуманный мир. Еще момент – и я посреди серого пустыря.

Гамов вывалился из пятна следом за мной, пытаюсь отдышаться, согнулся в три погибели. Я терла глаза и косилась на руку. Крови не было. Синего света тоже.

– Сработаемся, – бросил Гамов и потащил меня обратно к машине.

1

– Ну что, Оливин, допрыгалась?

Я подняла глаза, все еще погруженная в размышления. Передо мной стоял, неприятно улыбаясь, Гера Туров собственной персоной. Наш личный гений, претендент на все фантастические и обыкновенные премии – и просто довольно мерзкий тип.

– Допрыгалась, – мрачно кивнула я, точно зная, как заманить его в ловушку. – Советы, рекомендации?

– Беги прямо сейчас. Пока не втрескалась в Гамова окончательно.

Я очень медленно растянула губы в улыбке.

– Серьезно, Оливин. Он женат. И дела у тебя тут не ахти. Уже на ковер к Арлиновой?

Поколебавшись мгновение, Туров устроился прямо напротив меня.

Я развела руками.

– Защитить-то тебя, бедняжку, некому. Гамов, конечно, расстарался бы, спору нет. Но где он, тот Гамов?

– На Конгрессе? – тихо поинтересовалась я, наполняясь мрачным ликованием. – Жалко, что тебя, Гер, не послали.

Туров едва заметно пожал плечами.

– Ты хотел поехать ведь. В чем дело, визу не дали? Обратись в следующий раз ко мне, есть замечательный парень, Петя, всем помогает с Шенгеном. Ах нет, постой... Просто тебя ведь никто не знает, Гера, как я могла забыть! Ни одного крупного прорыва, ни одного поступка, зачем же тебя посылать обмениваться опытом? У тебя его нет. – Я подняла брови и вперилась в Турова взглядом.

– Как будто ты у нас тут герой из героев, – мгновенно вскинулся он. – Я еще...

Дверь распахнулась. Из кабинета чуть не кубарем вылетел какой-то толстый и красный мужчина, по виду чиновник высокого ранга. Я похолодела внутри (на какую-то десятую долю градуса, куда еще, и так абсолютный ноль), но тут же собралась и взяла финальный аккорд:

– Ты еще напечатается тиражом больше десяти тысяч.

Туров позеленел. Не дожидаясь реакции, я зашла в кабинет Арлиновой и плотно затворила дверь.

– Доводите нашего гения? – с упреком поинтересовалась Арлинова, и я, не выдержав, улыбнулась глазами.

– Зря вы так, Роза. Герман у нас один в своем роде, разбирается с горячным бредом лучше всех.

Я чуть кивнула. Что правда, то правда. Впрочем, исключительно потому, что сам его пишет.

– Боюсь я вас посылать на закрытие, если там Босх погоняет Дали, и все вместе припорошено личными перверсиями автора. А Герочка глазом не моргнет. Бывало, он даже до деконструкции не доходил, уговаривал людей больше не писать и обратиться за помощью.

Об этом я слышала в первый раз, но симпатии к Турову не прибавилось ни на гран.

– Так что вы отнеситесь к нему с пониманием. Может же мальчик дышать к вам неровно?

Я вскинула глаза на Арлинову. Она, кажется, и не думала шутить.

– Простите, Микаэла Витальевна, в этом я сомневаюсь.

– Не кокетничайте, Роза. Лучше налейте себе чаю и садитесь, надо поговорить.

Я послушно налила заварки в фарфоровую чашку, бросила два кусочка сахара и устроилась в кресле напротив Арлиновой, привычно гадая, почему именно она руководит отделом.

– Значит, Гамов на Конгресс, Оливинская – в пляс, если позволите такую формулировку?

Я почти поперхнулась. Арлинова, меж тем, спокойно смотрела на меня прозрачно-серыми глазами и ждала ответа.

– Не знаю, о чем вы, Микаэла Витальевна, – осторожно начала я.

– Как же, как же. Двадцать двенадцать дробь семьдесят три, Светлов, “Оттенок льда”. Фэнтези.

– Я сдала отчет по этому делу.

Арлинова вздохнула и оперлась на стол, сняла очки в тонкой золотой оправе.

– Роза, давайте начистоту.

Я сделала глоток и неловко пожала плечами. Вся прелесть отточенных движений состоит в том, что они прирастают, становятся частью личности, маской, защитой, пуленепробиваемым стеклом и в конечном итоге способны обмануть даже Арлинову, не то что Макса.

– Нашли Светлова сами, правильно?

– Да, в ходе обычной проверки.

– Его роман грозил реальности, на ваш взгляд?

Я поставила чашку на стол и посмотрела на Микаэлу Витальевну внимательно. Неужто наш гениальный деконструктор, Деррида в юбке, ошиблась, и я смогу ускользнуть?

– Если вы из-за этого... То да, считаю, что грозил. Десяток новых читателей каждый день, все усложняющийся сюжет, восторженные отзывы.

– Гамов одобрил?

– Перед отлетом.

Я вспомнила Макса и, как обычно, ничего не почувствовала.

– И вы поехали к Светлову.

– Совершенно верно.

– Потому что...

– Потому что это стандартная процедура для стажера. Работа с автором в полевых условиях.

Арлинова покивала с самым серьезным видом.

– Позвольте спросить, Роза, что случилось дальше?

– Все стандартнее не придумаешь. Как в учебнике. Деконструктор приезжает, автор отказывается сотрудничать, деконструктор уезжает, вламывается в реальность произведения и делает свое черное дело.

Я начинала терять терпение: все это уже и так было изложено в отчете, над которым я корпела два часа накануне.

– А скажите, где была точка напряжения? Где вы ее почувствовали?

– Сам мир, – буркнула я, принимая обиженный вид. – Жуткая банальность, да еще и не работает. Физика идиотская, он просто обязан был развалиться на части.

Что в итоге и произошло.

– Очень хорошо, – Арлинова заулыбалась. – Блестящая работа.

За мгновение до этого я поняла, что мне несдобровать, и принялась лихорадочно просчитывать варианты. Откуда она знает?!

– Вы, наверное, не согласитесь с тем, что задержались в реальности произведения, по крайней мере, на пару часов дольше, чем нужно? Разумеется, речь идет о субъективном времени. И уж точно не потрудитесь объяснить, зачем вы это сделали?

Занавес. Плаха. И лезвие уже мчит к моей шее. Но как ей это удалось? Я же исправно подчистила все следы. Все вероятности. Все линии. Никто за мной не следил, а я... Я лучший деконструктор в мире.

– Я повторю свой вопрос. Гамов на Конгресс – Оливинская в пляс?

Я смущенно хмыкнула и выпрямилась в кресле.

– Не понимаю, о чем вы, Микаэла Витальевна.

Первое, о чем меня предупредил Макс. При заходе за точку напряжения оперативника выгоняют.

– Что вы там делали, Роза? Почему остались, а не ушли? Заскучали, работы не было?

Не объяснять же ей, в самом деле, что мне захотелось попробовать. Да, я нарушила все писанные и неписанные правила, но голова на плечах-то у меня осталась!

Мир, придуманный Женей Светловым, был неправдоподобен; это я поняла сразу, лишь очутившись на гротескной черной скале напротив такого же гротескного черного замка. По мере продвижения вглубь меня не покидало смутное ощущение, что это редкая удача, что точка напряжения не в персонажах, не в быту, не во времени, не в деталях (боже упаси!), а в самом мире. Я даже не успела дойти до каменного сооружения, когда увидела, что кое-кто не учил в школе физику. Все недостатки, как обычно, вскрылись, как по мановению волшебной палочки. Камни полетели вверх, звезды исчертили небосклон серебряными стрелами, мир стал осыпаться, крошиться и разрушаться под своей собственной тяжестью. Мне оставалось только выйти, но я отчего-то залюбовалась и двинулась дальше, к ущелью, из которого водопадом вверх хлестал ручей.

– Я была в безопасности, Микаэла Витальевна. Могла вернуться в любой момент. Простой мир. Простая ошибка. Мне захотелось посмотреть.

– Роза, вы полтора месяца у нас и каждый день слышите одну простую истину. Нашли точку напряжения – вон из мира. Бежать. Сломя голову.

Я бросила на Арлинову осторожный взгляд. Она, вроде, довольна не была, но отдавать ключи тоже не просила. Попробовать отделаться полуправдой?

– Мир. Чужая реальность. И вы в ней, деточка, – как пушинка на ветру.

– Микаэла Витальевна, – протянула я укоризненно. – Парень даже не знал ускорения свободного падения, о чем вы вообще.

– Не знал, говорите? – Арлинова нехорошо прищурилась. – А вот вы, например, знаете Бориса Орлеанского?

Я широко раскрыла глаза, совершенно не понимая, к чему тут известнейший персонаж известнейшей фантастической книжки.

– Знаю, конечно.

– А знаете, что я когда-то была за ним замужем?

Голова закружилась, и я с трудом смогла унять внезапную дрожь в руках.

– В каком смысле, Микаэла Витальевна?

– В самом прямом, госпожа Оливинская, – вдруг отрезала Арлинова, и ее глаза почти побелели. – Слушайте меня внимательно. Борьке тогда было двадцать семь, а мозгов, значит, на ваш возраст. Я уехала на конференцию, забавное совпадение, не находите? А он затосковал и пошел деконструировать в одиночку. “Простая книжка, – сказал он мне по телефону. – Раз плюнуть, Мик. Потенциально опасная, говорят о ней больше, чем читают, и она обрастает легендами, нехорошо. Но работы – часа на полтора субъективки”.

Я сглотнула, пытаясь не поддаться холодному ветру, которым веяло от рассказа Арлиновой. Не может быть. Борис Орлеанский, умница, красавец, комсомолец – любимый герой моего детства из фантастической книжки семидесятых. Весь роман на нем и держался.

– Часа. На полтора. Субъективки, – тихо сказала Арлинова, и мне стало плохо. – Это последнее, что я от него слышала. Сквозь шум и помехи межгорода. Фотография вот осталась, – она кивнула куда-то влево и поднялась с места, а у меня даже взгляд поднять не нашлось сил. – И тут молодой стажер мне заявляет, что она была в безопасности, находясь в рушащемся мире. Что она могла уйти в любой момент. Что плевать ей на технику безопасности и всякие точки напряжения, которые безумная старуха Арлинова придумала, чтобы досадить лично ей. Сколько еще мне переживать ваши уходы? Уходы молодых, красивых, сильных и дьявольски уверенных, что правила не для них и не про них?

Я стукнула кулаком о край стола, изо всех сил сжала губы. Они тряслись.

– А теперь, Оливинская, представьте, будьте добры, – Арлинова перешла на шепот, – через три дня возвращается Гамов. Приезжает на работу, а тут сидим мы с Туровым. Подписываем со Светловым контракт на издание его замечательной книги, в которой главная героиня Риоза Оливейра, молодая блондинка со смеющимися глазами, спасает мир сто двадцать три раза, в том числе от нарушения законов физики.

Мне стало холодно, по-настоящему, и я попыталась отогнать страшные чувства, лезущие сквозь трещины в оболочке.

– Ответьте на один вопрос, Оливинская, и вы свободны. Что в подобной ситуации следовало бы сказать Гамову? Что мне следовало бы ему сказать?

Я сжала руки в кулаки – и бессильно утерла выступившие на глазах слезы. Какой позор, черт возьми.

– Не плачьте, это бессмысленно. Так как прикажете объяснять Гамову тот факт, что его стажер осталась в книге какой-то бездарности и вытащила все на себе? Что нам приходится ее издавать – только чтобы все знали, что была когда-то такая вполне себе живая, хорошая девушка Роза, не любившая правил?

Я снова потеряла глаза. Слезы катились по щекам с непонятым упорством, и я тщетно пыталась заставить их вернуться обратно, в исходную точку.

– Отвечайте! – внезапно рявкнула Арлинова и хлопнула ладонью по столу.

Я пулей вылетела из комнаты, пронеслась мимо мявшегoся в рекреации Турова с такой скоростью, что он, кажется, даже подпрыгнул, и забаррикадировалась в ванной. Стена рыданий заслонила свет, и на несколько мгновений я перестала видеть.

В чувство меня привел звонок.

– Оливин, – сказал Туров напряженно. – Выметайся. Я уже пять минут к тебе стучу.

– И не подумай, – отозвалась я в трубку, глотая слезы.

– Подумаешь, еще как подумаешь. Тут прорыв, самый настоящий, серьезный прорыв, я Макса только что с Конгресса вытащил, он едет в аэропорт уже, книгу прочитает по дороге. И тебе бы надо.

Я нажала на “отбой” и распахнула дверь ванной. Туров стоял передо мной, все еще прижимая телефон к уху.

– Ты едешь?

– Арлинова сказала, что хватит вас двоих. Я на подхвате, как обычно, страхую и замыкаю.

– А смысл? – резко поинтересовалась я. – Почему нам не пойти с тобой?

– Потому что это прорыв, детка, – хохотнул Туров, – у меня другая специализация.

Я вытерла слезы рукавом и, готовая действовать, пошла вслед за ним.

2

Я уже в третий раз набирала Макс. Номер был простой и запоминался легко, с первой попытки. Сколько эта простота стоила при покупке за бокалом шампанского в вип-зале, я представляла себе достаточно хорошо. Дома, в Лондоне, у меня тоже были сплошные восьмерки после префикса.

“Абонент недоступен, оставьте сообщение после сигнала”. Женский голос едва пробился сквозь помехи. Я раздраженно засунула айфон в карман джинсов. А что мне ему говорить? “Прилетай скорее, дорогой Макс”?

Мы мчались по заиндевевшей и стоявшей в пробках Москве, не стесняясь мигалки на крыше. Водители провожали нас недовольными взглядами и даже гудели вслед, но рыжему парню за рулем было все равно. Реальность рвало по кускам где-то на юге, и успеть надо было во что бы то ни стало. Я рассеянно провела пальцами по увесистой пачке листов А4, которой Туров снабдил меня сразу по выходе из ванной. Бумага не грела, ощущение от нее оставалось странноватое.

Спонтанный прорыв, повезло, как покойнику. Туров помочь не может, де, специализация не та, Макс летит, но где летит, когда приземляется, сколько будет ехать через весь город – одному богу известно. Или, в нашем случае, дьяволу.

– Да, – спокойно сказал водитель, и я вскинула взгляд на него.

Невозмутимый, сосредоточенный, он мчал, срезая углы, улицы, светофоры, формируя какую-то свою реальность, в которой по Москве можно было ездить со скоростью сто десять.

– Нет. Не знаю. Да, зефир везу. И дожидаться буду. Сколько потребуется.

Последнее прозвучало довольно дерзко, и я сделала попытку улыбнуться – по-настоящему. Не то чтобы получилось удачно. Я нервно покрутила сотовый в руках, думая, куда его деть, когда пойду... пойду закрывать реальность. На экране был кусок совсем другой жизни: дождь и красная телефонная будка – старый-старый расплывчатый снимок.

– Можно вещи тут оставить? – спросила я у парня, решив, что он уже договорил.

Тот посмотрел на меня в зеркало заднего вида и молча кивнул. Глаза красивые. А так я даже и рассмотреть его не успела, потому что Туров на пару с Арлиновой вливали в меня последние инструкции, наверное, с полчаса, говоря наперебой и одновременно, и хоть бы что полезное вспомнили вместо пересказа учебников.

– Солнышко, – верещала Арлинова, – забудь, что я тебе наговорила, но помни, ради всего святого, что это тебе не “Отенок льда”! Что ты станешь частью книги, как только шагнешь в прорыв, и с каждой секундой вспомнить, зачем ты там, будет сложнее и сложнее! Зацепись за что-нибудь мыслями, не давай той реальности власти над собой.

Рекомендация была настолько же полезной, насколько бесполезной и ненужной одновременно. По словам Макса, сделать это было просто невозможно. Прорыв закручивал, ломал под себя, и сегодня мне предстояло познакомиться с этим в одиночку.

– Спонтанный, – бодро вещал Туров, – никто даже и не думал, что на это могут купиться, я тут пролистал по диагонали – вообще ни о чем, космическая станция какая-то, монстры, компьютерная игрушка, а не книга. Но сегодня – сегодня просто зашкалило. Похоже, стандартная схема, Оливин, кто-то из тысячников в своем блоге кинул ссылку, и она разошлась, как рябь по поверхности, понимаешь, по поверхности нашего мира, но только со скоростью, раз в двадцать превышающей обычную. В книгу поверили и стали горячо рекомендовать друг другу. Нет, Оливин, я считаю, если в это верят, то конец света должен уже настать, поделом, правильно.

Я вздохнула, возвращаясь в реальность, к молчавшему телефону. Может, надо позвонить попрощаться? Хотя бы маме, если не Лешке?

- Прорыв? – коротко поинтересовался водитель, снова глядя на меня.
- Он самый, – отозвалась я, неуверенная, можно ли ему что-то говорить.
- Первый раз?

Я чуть пожала плечами в ответ. Парень начинал меня утомлять. Я просто не в силах была удержать в руках столько нитей.

- Я вас раньше не возил никогда, – сказал он примирительно.
- Зефир? – спросила я, приподняв брови.

Парень резко рассмеялся:

- Закрытие фантастических реальностей. Зе-фир.
- Когда доедем?

– А мы, собственно, уже. – Он повернул руль вправо и затормозил.

Я в последний раз посмотрела на экран мобильного, с досадой швырнула его на кожаное сиденье и выскочила на улицу, поднимая воротник пальто. Напрасно. В переулке было лето. Или, по крайней мере, ранняя осень, точно не скажешь. Я бросила взгляд на дорогу, по которой мы приехали. Вдалеке еще царил зима, но тут...

- Удачи пожелайте. – Я механически размотала шарф и бросила пальто внутрь.
- Удачи! – Парень даже из окна высунулся. – Меня Миша, кстати, зовут.

Пришлось обернуться, несмотря на то, что взгляд, как магнитом, притягивало к мерцающей полосе около стены дома.

– Оливин, – буркнула я, возвращаясь на бrenную землю, и тут же охнула.

Если прорыв затянул меня с такой силой, когда я на него посмотрела, то чего же ждать дальше?! Старательно не поворачиваясь, я сделала три шага по направлению к машине.

– Как камень? – спросил Миша.

– Точно, – сказала я, слегка удивляясь и пытаюсь ухватиться хотя бы за это чувство. Впрочем, тщетно. Оно оказалось слишком слабым и недолговечным, прорыв забрал его в одно мгновение.

– Миша, давайте быстро всю информацию о себе, которая есть, а еще выкладывайте, что там происходит с гражданскими, какого черта у вас эти дурацкие номера, военные, да, черного цвета, и зачем мне стоит возвращаться обратно. Максимально четко и быстро.

Меня била крупная дрожь. Прорыв манил и сиял, вытягивая силу воли и вообще все эмоции; их сметало, будто в воронку, в вакуум открытого космоса, а я должна была каким-то образом удержаться за пульт управления, да еще закрыть шлюз.

Я с силой стукнула кулаками по дверце: даже мысли приняли метафоричность, заложенную в чертовой книге.

– Вы что-то там видите, да, Оливин? – удивленно поинтересовался Миша, и я все-таки запрыгнула на пассажирское сиденье, захлопывая дверь за собой.

Хотелось бредить и пророчить, взять кисть и рисовать широкими мазками реальности, их границы, наложение друг на друга, легкие розовые и фиолетовые оттенки, пастель, мерцание, переход из состояния в состояние. Хотелось жить. Хотелось умереть. Хотелось...

– Я не представляю, почему тебя послали вместо Гамова, но ты же не можешь идти, ты бы видела свои глаза. Гамов тоже такой делается, но на секунду, а потом собирается и идет внутрь. Нет уж, я тебя туда не пушу, а Москва... Ну поминай как звали. Слышишь?

Я слышала, но слушать не хотела. Мое внимание привлекла какая-то деталь, нудная, цепляющая и портящая все деталь, но она тут же растворилась, уступая место прорыву. Разлому. Та реальность... Она была целиком моя, от начала и до конца, стоило только сделать несколько шагов, переступить границу.

Я даже на месте почти подскочила. А ведь перенос физического объекта в субъективную реальность захлопывает ее, если объект остается внутри! Как я сразу об этом не подумала. Надо лишь дернуть за ручку...

Мотор взревел, и мы вихрем унеслись вперед, а потом так же резко остановились. Теперь снаружи снова шел снег, и рядом стояли какие-то хмурые мужчины в форме аварийщиков, не пропуская туда, откуда мы только что вынырнули, страшную блондинку на БМВ.

На заднем сиденье заорал телефон. Я нахмурилась и обернулась, чувствуя странный прилив надежды. Звонил Туров. Я чертыхнулась и выключила звук. Помотала головой, восстанавливаясь и силой изгоняя поток чужих эмоций.

– Аварийка, да? – спросила я, поворачиваясь к Мише.

Тот смотрел на меня, вытаращив глаза.

– Аварийные службы? Так вы народ к прорыву не пускаете?

Миша медленно кивнул.

– Напугала?

Он растерянно пожал плечами:

– Просто... Когда я заступил на службу, возил только Гамова. А он так не делал ни разу. Глаза у него так не светились. Не отражали другую реальность.

Я хмыкнула. Немного болела голова. Рядом с виском снова притаилась непонятная заноза.

– Зефир. Черные номера. Так мы числимся за военными? Какого черта?

– Не совсем за военными. А возвращаться вам стоит только потому, что лично я не переживу, если вы не вернетесь.

Я зачарованно склонила голову, отметив про себя, что дело обстоит еще хуже, чем просто абстрактные вояки, и предпочла не спрашивать. Мысли вроде бы очистились, но я по-прежнему не знала, зачем возвращаться.

– Да и Гамов меня убьет, – неуверенно добавил Миша, и тут-то я окончательно вернулась с небес на землю.

– Что вы все так его боитесь, – фыркнула я и распахнула дверь.

В машине сразу стало холодно, зато голова мгновенно посветлела. Так, прорыв, заходим, точка напряжения, деконструируем – и обратно. Может быть, даже выпить кофе с симпатичным Мишей. А что, денег хватит, наверное, купить чашку. Хотя по моим стандартам беден, как церковная мышь.

– С вас что-нибудь горячее, когда вернусь, – бросила я и пошла по направлению к прорыву прямо в майке и джинсах.

Аварийщики и не думали меня останавливать. С каждым шагом я все больше и больше проваливалась в лето и наконец перестала мерзнуть. Завернула за угол – и на мгновение остановилась. Прорыв, кажется, стал больше и даже как-то красивей. Я взяла себя в руки и наконец сумела вспомнить весь набор прописных истин, вызубренный, отлетавший от зубов даже во время идиотского ночного экзамена, но вот теперь каким-то чудом выветрившийся из памяти.

Необычные погодные условия на стыке реальностей, кратковременное опьянение от гипотетической возможности обладать целым миром, эйфория, забытие, желание исчезнуть. Каждый шаг возносил меня все выше, но каждая новая мысль все сильнее пригвождала к земле. Скоро тут будут летать бабочки и петь птицы, а затем... Я слотнула. Затем из прорыва посыплется то, чем на самом деле напичкана реальность космической станции, о которой я, давась словами, прочитала всего полчаса назад. И кто знает, чем дело кончится.

Настоящих, состоявшихся прорывов ведь не было, ни одного. По крайней мере, в нашем отделе. Зефир. Я нахмурилась. Интересно, Макс знает?

В сердце даже кольнуло, и я наконец увидела стык без прикрас. Свет был, но был он странный, темно-серый, колеблющийся, неверный. Впрочем, манил и звал по-прежнему. Я слотнула.

Просто надо помнить, что я отсюда, из этого мира, что жила в Лондоне до семнадцати, потом окончила истфак в Москве, написала книжку, ставшую бестселлером. Что не имею никакого отношения к космосу.

А еще, делая шаг через барьер между мирами, нужно сконцентрироваться на необходимых для работы с реальностью предметах. Если повезет, внутри окажешься вместе с ними.

Я потопталась на месте, сделала вдох – и нырнула.

Станция

– Глок и немножко удачи, глок и немножко удачи, – твержу я, как заведенная, глядя на подсвеченные красным стены.

Правая рука действительно сжимает какой-то пистолет. Насчет остального, а тем более – абстрактных концептов, сказать трудно.

Где-то на фоне играет классическая музыка, Muse, и металлический женский голос повторяет: “Пожалуйста, покиньте станцию, пройдя к ближайшей от вас спасательной капсуле. Путь подсвечен указательными огнями”.

Я смотрю на пол, и в сознании больно смещается какой-то пласт, встает на место, раздирая меня на куски. Классическая музыка. Muse. Muse. Классическая музыка.

Смешно настолько, что я не выдерживаю и прыскаю, благо, вокруг никого. Да и вообще, я – в придуманной реальности, мало ли какое влияние это оказывает на эмоциональное состояние. Мне сразу вспоминаются Лондон, Мадрид, мама и папа, смех, радость, истфак, презентация книжки и отчего-то Макс. Я морщусь, сглатываю, – во рту пересохло – верчу в руках пистолет и со вздохом отправляюсь на поиски кого-нибудь живого. Кого-нибудь, кого можно деконструировать, разобрать на части, потому что стены пока выглядят чересчур правдоподобно. Косноязычие аварийного оповещения так вообще наводит ужас своей реалистичностью. Что до музыки – все верно, какой век на дворе, английское трио давно стало классикой.

На мгновение я замираю и вслушиваюсь. Судя по отрывочным и тающим воспоминаниям, самый кошмар начнется, когда заиграет “Panic Station”, потом местный доктор хватит по старенькому музыкальному аппарату, и тот заест. Значит, время еще есть и можно спокойно изучать местность, придирается к мельчайшим деталям. Я засовываю пистолет за пояс, одергиваю кожаную куртку и иду по направлению к столовой, засунув руки в карманы широких армейских штанов. Неплохо бы прояснить арсенал, – правую лодыжку явно тяготит какое-то оружие – но я слишком раздражена и устала, слишком быстро забываю саму себя, чтобы останавливаться хоть на мгновение.

В столовой сидят трое, так-так-так, справа налево: Маршалл, Джонни и Грей.

– Мужики, – говорю я грубо. – Какого хрена тут происходит?

Тут же ошарашенно замолкаю, потому что беседу с будущими трупами собиралась начать совсем не так.

– Инспектор! – расплывается в сальной улыбке Маршалл. – Проходите, садитесь, сейчас все объясним.

Отвратительный тип, но неправдоподобным его не назовешь. Да еще чертова реальность начинает кроить меня на свой лад. Я противлюсь, как могу, и надеваю самое презрительное выражение лица, как маску. В тусклом аварийном освещении стена напротив плывет, словно окутанная маревом, отражает меня, высокую стройную брюнетку с излишне прямыми волосами, и я с резкой тянущей болью вспоминаю, что до инцидента станция была шикарной, псевдозеркала и псевдомодерн, а еще – что все это не взаправду.

– Спасибо, постою, – выплевываю я, чуть покачиваясь.

– Учебная тревога, – отзывается Джонни и скромно на меня не смотрит.

Моему возмущению нет предела:

– Да ладно?! А почему она каждые тридцать секунд повторяет: “Внимание, это не учебная тревога?”.

– Инспектор, – Маршалл хмыкает, – а что, надо, чтобы она повторяла: “Внимание, это учебная тревога”?

Я поджимаю губы и смотрю в потолок. Сказать бы троим идиотам, что как раз в этот момент их капитан делает очень большую глупость в грузовом отсеке, и аварийный режим

включился только потому, что он собрался ее делать, да какой смысл. Он тоже не дурак, предупредил всех о плановых учениях.

И почему только занесло именно в этот момент, когда, того и гляди, по всей космической станции разбегутся самые неприятные монстры, будет паника, пальба, а потом на сцену выйдет незаметный главный герой и...

– Инспектор!

Я вздрагиваю и резко оборачиваюсь. Помянешь дьявола – Дэн собственной персоной. Смазливый блондин, которого мне предстоит не пустить в спасательную шлюпку. Пристрелить прямо сейчас? Я отбрасываю мысль за ненадобностью, глупо так подставляться.

– Что? – отзываюсь я, делая шаг вбок, чтобы держать всех в поле зрения.

Мир не дает ни единой зацепки; меж тем, искать надо. Это самое тонкое место во всей конструкции, поэтому я не попала ни на чужую планету, ни в лагерь десантников на Земле. Неправдоподобность, сконструированность, искусственность – здесь. Стоит только приглядеться.

– Хотел спросить, когда вы повезете меня домой.

Я вздрагиваю, потому что в свете обстоятельств эта фраза выглядит донельзя скверно.

– Давайте поговорим об этом по окончании учений.

На самом деле, ничего такого не происходит. Я влезла в чужую реальность, она меняется и подстраивается, ассимилирует меня. Да хоть ресторанный критик, главное, чтобы не зарытый под землей труп. Непонятно, конечно, что именно я инспектирую, но это и неважно, пока местные жители держат меня за свою.

– Перестань ты так бояться, – змеится улыбкой Грей.

– Старший лейтенант Джонсон, – вскидываюсь я, – просьба обращаться ко мне либо по званию, либо по должности, и никаких фамильярностей.

Тот молча кивает, и я медленно прохожу мимо, отмечая про себя, что ни один не вооружен. Первая волна монстров поперет именно сюда; я вспоминаю описание из книги, и на мгновение становится очень страшно.

– Все-таки на вашем месте я бы пошла в капсулу, – говорю почти на грани слышимости.

В учебнике по закрытию реальностей точно ни слова не было про спасение персонажей. Разве что какая-нибудь идиотская шутка, вроде “спасение персонажей – дело рук самих персонажей”.

Маршалл теряет терпение, да, точно, как в книжке, взрывается:

– Инспектор, в самом деле, это не ваша забота...

Дальнейшее тонет в шуме моего разбуженного сознания, считающего вероятности и потери. А что, если прицепиться к грамматике? Эти придурки, по идее, изъясняются на английском, просто автор передает нам их диалоги по-русски. Значит, смысла лишено все вообще. Я смотрю на четверых парней – и мое сердце тонет, замирает на месте, потому что на их лицах видны оттенки чувств и эмоций, они живые, живые, черт возьми, не то, что белесый картон из учебных реальностей, в которых я была не одна. Картинка в голове гаснет, и я снова вижу окровавленные стены столовой.

– Господа, – говорю я максимально твердо. – Как старшая по званию, приказываю выметаться в направлении спасательной капсулы, запереться в ней и сидеть смирно. Всем все ясно?

– Спасибо, блин, Маршалл, разозлил инспектора! – рычит Грей и первым выходит из-за стола.

Мне становится легче дышать, но в коридоре я все-таки прихожу в сознание: какого черта потеряла столько времени, дубина! Я злюсь на себя, правда, не очень сильно, потому что точно знаю, что мозг работает, не переставая, цепляется и придирается ко всему.

Дверь капитанской рубки приоткрыта. Я прохожу внутрь, ищу бортовой журнал, натякаюсь на полупустую баночку с обезболивающим, вздыхаю: до чего банально и сиротливо. Сколько их, тех сюжетов, где один из героев смертельно болен и, пытаясь спасти себя, делает всякие непоправимые глупости? В частности, вот эта разновидность фантастического хоррора. Дэн, только что грубейшим образом нарушившего субординацию, депортируют с чужой планеты, он попадает на космическую станцию и ждет попутного корабля до Земли – вместе с ценным грузом, из-за которого он чуть своего командира и не убил. Дэн справедливо полагает, что груз опасен, потому что Дэн хорошо учился в универе и просто неплохо соображает. Командир жаждет наживы и дальше своего носа не видит. Меж тем, капитан экипажа станции смертельно болен. Он-то и устраивает побоище, выпустив на волю мутировавших лабораторных животных из ценного груза, в надежде – всего-навсего – излечиться. Потому что вместе с Дэном своего часа попасть на Землю ждет очередная панацея, в очередной раз оказавшаяся зловонным мутагеном.

Я вздыхаю и обвожу взглядом помещение. Сюжет избит и заезжен писателями до дыр, но реальность от этого не становится менее прочной. Хотя... Я выбегаю из рубки с надеждой: Дэн должен содержаться под стражей, грубая ошибка – но тут же поникаю головой, замираю посреди пустого коридора. Объяснено в книге. Капитан – его старый друг, пошедший на нарушение сознательно. Я чертыхаюсь. От грузового отсека лучше держаться подальше, сходить в медицинский, что ли?

Мне не хочется встречаться с монстрами, тем более, они вряд ли как-то мне помогут. Непостижимым образом я помечаю все условности мира как допустимые; фантастика все-таки, да еще и без явных промахов. Как деконструировать? За что цепляться? Отсутствие женщин? Так оно логично. Не пристают ко мне? Да я вообще не отсюда, не адаптировались еще. Тот факт, что все они белые и имена у них англозвучащие?

Я дергаюсь, как от электрического тока, сразу вспоминая любимый ресторанчик в Лондоне, Лешку на “языке” (угораздило встречаться с моделью) и наш кабинет на работе. Ведь надо возвращаться, о чем я думаю, это не мир, это призрак мира, настоящая реальность – за этими стенами. Не может же быть, чтобы двадцать четвертый век, а они все белые. Глупости. В китайцев я бы еще поверила. Но в космонавтов полукиношной внешности, ярко-выраженных европеоидов?

Я потираю руки в предвкушении, стены бледнеют и видоизменяются. Моя уверенность, впрочем, испаряется наперегонки с ними. Дэн, Маршалл, Грей и Джонни. Да невозможно такое.

“Методически неверным следует считать деконструкцию реальности, базирующуюся на непроверенном предположении. Хотя в некоторых случаях она проходит успешно, в других лишь приводит к потере субъективного времени”. Этот момент Макс заставил вызубрить наизусть. Но мир все-таки бледнеет, и начавшуюся “Panic Station” я едва слышу.

Остается только дожидаться появления прорыва, через который можно будет выйти, упасть в черный внедорожник с черными, как смерть, номерами, спросить у Миши, не за ФСБ ли мы числимся, а лучше не спрашивать... Додумать я не успеваю. Выход появляется прямо передо мной, и я вижу обшарпанные стены московского переулка. Вывалиться окончательно, вынырнуть на поверхность – и закрыть за собой дверь в исчезающий мир.

– Плохо! – выдает Макс через мерцающую пелену, появляясь по ту сторону, и делает шаг вперед, когда я пытаюсь выйти, буквально втаскивая меня обратно за шею. Я отпрыгиваю назад, испуганная прикосновением, влетаю в перегородку, и мир снова красный, мерцающий аварийкой, узкий и страшный.

Над коридорами несется “Panic Station”.

– Сколько? – доносится голос Гамова от противоположной стены.

- Тринадцать.
- Сколько осталось?
- Четыре! – рявкаю что есть мочи.

Комната, в которой мы укрылись, наверное, когда-то была довольно просторной каютой. Теперь звери рвутся сюда, чувствуя присутствие живых, и опадают грудой костей – от моей или гамовской пули. Лишь только дверь открывается со знакомым потусторонним звуком, я выставляю руку, смотря в зеркальный потолок, вижу зеленую точку на голове чудовища и нажимаю на спуск, вдавливаю его до конца. Пока ни единого промаха. Хотя два или три раза пришлось добивать.

– А еще сколько? – снова чего-то хочет от меня Гамов.

– Иди ты, – шиплю я, делаю вдох и закашливаюсь. Смердит невыносимо: кислород в каюту то ли перестал подаваться, то ли...

“Мырым”, – говорит дверь и распаивается, а я снова смотрю в потолок.

Повезло так повезло: нас нашли сразу две твари. Из-за горы трупов мне неудобно целиться, да и зеленый луч не врёт, я не пробую по прямой. Приходится высунуться с другой стороны комода, за которым я сижу, и стрелять в белесое чудище, несущееся на меня на всех парах, накрыв рукоять левой. “Бам”, – отзывается пистолет, и зверь падает, а я в очередной раз гадаю, кем они все были до судьбоносной встречи с автором, черт бы его побрал. Справа, впрочем, ни звука, и я мертвею все те долгие доли мгновения, которые нужны, чтобы развернуться, найти глазами Гамова, его монстра, заходящего с моей стороны, и выпустить пулю, попав точно в цель.

– Ты охренел, Макс? – сквозь слезы и пот, бегущий по лбу, спрашиваю я, а он лишь раздраженно пожимает плечами, ожимает плечами, наконец выбрасывает гильзу – и раздается выстрел, и пуля застревает в полу.

– Заело.

– Да меня не интересует, – резко отбрыкиваюсь я.

“Мырым”, – печально возвещает дверь.

Я гляжу в зеркало и едва успеваю стереть пот со лба. Нас пришел навестить инфицированный капитан. За ним лениво плетутся два монстра. Гамов выглядывает из-за шкафа и делает три выстрела. Все ложатся в цель, но капитану мало, и тогда я поднимаю руку над комодом. Пистолет не стреляет. Я успеваю лишь отчаянно выругаться. Запасные магазины в карманах, одно из чудовищ несется вприпрыжку, я, кажется, сдавленно матерюсь, отстегивая от лодыжки нож, – и вгоняю его зверю прямо в шею. Тело корчится еще какое-то время, а на мою руку льется голубоватая кровь. Я ору в голос, роняю нож и испуганно перехватываю его левой, смотрю в потолок. Капитан лежит на полу, рядом с моим комодом, второй монстр – прямо около платяного шкафа на противоположной стороне каюты.

– Руку, – требует Гамов, неведь как оказавшись рядом со мной.

Я поднимаюсь на ноги и иду к выходу, игнорируя его. “You’ve arrived at panic station”¹, – надрывается над ухом солист Muse. Аварийное освещение мигает, я смотрю на предплечье и вздрагиваю: оно ярко-красное и покрыто пузырями.

– Ожог, – бросает в спину Макс. Я все еще не останавливаюсь, и тогда он больно хватает меня за левое запястье.

– Роза, постой.

– Розамунда, – откликаюсь я, почти рыча, и пытаюсь освободиться.

– Да подожди ты! – Гамов разворачивает меня к себе.

¹ Вы прибыли на станцию “Паника”. (англ.)

Впервые за полтора месяца я смотрю ему в глаза на одном и том же уровне и вздрагиваю. Чужая реальность совсем его не изменила – спокойный, уверенный, даже внешность та же. Светящиеся будто изнутри радужки, тонкие губы. Чертова Розамунда с ее чертовым ростом.

– У нас еще четверо мутантов. И дай взглянуть на руку.

Я коротко мотаю головой и дергаюсь.

– Прекрасно, – говорит Гамов и отпускает меня.

– Конечно, прекрасно! – отбрываю я. – Лучше не придумашь.

С этими словами я вываливаюсь в коридор и дерганно иду по направлению к медицинскому отсеку. В книге доктор забаррикадировался там и даже не заразился, но кто знает, как все обернулось на самом деле. Нож я оттираю о внешнюю сторону куртки, после чего отправляю его на место и меняю магазин в пистолете.

– План действий, Розамунда? – Макс, оказывается, поспешает рядом, спокойно мурлыкая в тон играющей музыке.

– Найти Дэна и не дать ему добраться до Земли.

– И... Роза Оливинская бьет мировой рекорд по количеству фатальных ошибок за день. Вернее, за два дня!

“Туров наябедничал. Или Арлинова”, – раздраженно думаю я.

– Кстати, дай догадаюсь. Если ты не волнуешься за всех остальных, тогда... Тогда ты успела с ними пообщаться и потратила время на то, чтобы их спасти? А, Роза? Скажи честно, тебе хватило ума спасти героев книги? – В голосе Гамова поднимается кипучая волна гнева, но мои предохранители слетают раньше.

– Да ладно? – спрашиваю я, шуря непривычные глаза и отбрасывая волосы назад. – Серьезно? Я потратила время?

Гамов будто вращается в землю, но мне все равно.

– Ты не дал мне закрыть мир, ты втолкнул меня обратно, и теперь я понятия не имею, как отсюда выбираться. Ты нарушил все правила деконструктора, черт побери, Гамов, да ты совсем охренел!

С каждым “ты” я делаю шаг вперед, и он отступает до тех пор, пока не упирается спиной в перегородку. Потом скрещивает руки на груди и мягко улыбается.

Мои брови в прямом смысле слова хотят выехать за пределы лба. Я не знаю, что и думать, поэтому – от бессилия – фыркаю и отправляюсь проверять доктора. Не тут-то было. Гамов снова ловит за руку и снова не дает уйти.

– Очнись, Роза, – зло шепчет он, и мне становится страшно. – Хочешь поиграть в “ты неправ”? Изволь. Ты осталась в рушащемся мире, пока я был на Конгрессе, и только каким-то чудом не застряла в книге. Ты поддалась действию эндорфинов и собралась прыгать в прорыв. Ты откровенно слажала, деконструировав мир по нечеткому внутреннему признаку так, что тот не разрушился даже, а просто потерял верибельность. Ты избегаешь меня вот уже полчаса субъективки, ставя под угрозу всю нашу реальность. И это я еще не упоминаю всякие досадные мелочи.

На глазах закипают слезы, но возразить нечего.

– Давай, соберись. – Он мягко пожимает мое запястье. – Ты должна деконструировать эту дурацкую сказку.

– Сказку? – только и спрашиваю я. – Это жизнь, Макс.

Губы дрожат во второй раз за день.

– Нет, Роза, это сказка. Очень плохо, что ты воспринимаешь все как действительность. Отвратительно, что ты спасла персонажей, думая, что спасаешь людей. А от того, что ты дала реальности себя поменять, меня вообще воротит. Где твои навыки? Почему в учебных прорывах, со мной, ты знала все наперед, а тут запуталась и заплутала? – В его голосе звучат разочарование и усталость.

Я вздрагиваю. Сердце ухает вниз, в ад Данте и разбивается вдребезги о самый последний круг, замерзшее озеро.

“Я спасла твою шкуру”, – хочу сказать я – и не могу.

Остается только идти вперед.

– Ты даже забыла, как деконструировать. Ты решила останавливать Дэна, Роза! – Гамов и не думает уняться, почти кричит в спину: – Ты решила предотвратить концовку книги. Знаешь, что ты наделала? Ты поверила в ее реальность. Ты не понимаешь, что не дать Дэну добраться до Земли будет означать полную реституцию данного мира, что это – следование сюжету, самое идиотское, что может сделать деконструктор. Да как ты МГУ-то закончила вообще?!

Я задираю подбородок, потому что слезы текут по щекам, неумолимо притянутые искусственной гравитацией. Мне на лицо брызгает вода, и я удивленно морщусь, но не останавливаюсь, лечу по коридору вниз. Немного удачи не помешает никогда.

На станции идет дождь. Аварийная программа почему-то решила, что у нас пожар.

– Даже Беллами вон спрашивает: “Обрушится ли наш мир?”, – орет мне в спину Гамов. Он невообразимо зол. Я тру рукой по щеке, и на ладони остается черная тушь.

Один поворот, всего один... Дверь медицинского отсека разломана на части, и сердце обрывается, останавливается. Я достаю из-за пояса пистолет и поворачиваюсь к мокрому Гамову, досадливо считая вероятности. Вода вместо любой другой системы пожаротушения – интересно, но недостаточно.

– А ты Muse слушаешь, да? – ядовито выплевываю я, потому что сказать нечего.

Единственное... В “Panic Station” нет таких строк. Я поднимаю голову. Динамики играют совсем другую песню. Соображать некогда, ноги сами несут меня в столовую. На пороге я замираю и чуть было не падаю от накатившей дурноты. Доктор лежит тут, и пистолет в его руке говорит слишком о многом.

– Так же не бывает, – едва слышно произношу я. – “И одной пулей он убил обоих”. Откуда эта строка, а, черт! Не может быть, чтобы первой пулей он сломал проигрыватель, а второй – починил, что за чепуха! Да что вообще за комедия, – раздраженно машу руками. – Вода из поливалок, прямо привет “Константину”, хорошо, что не святая, каюты, как в “Стар Треке”, стены напоминают то ли ТАРДИС, то ли я вообще не знаю что, медицинский отсек полностью украден из “Светлячка” вместе со столовой!

Мир вздрагивает вокруг меня – и начинает расползаться на части.

– Звук дверей из “Дума”, – мягко кивает Гамов, обходя меня.

– Точно! – чуть было не хлопаю по лбу я, замечая вдруг, что снова здорово ниже ростом.

Реальность идет трещинами, корабль начинает трясти. До меня наконец-то доходит, что я нашла точку напряжения. Украденный по кускам мир не бывает настоящим.

– Пойдем, Роза.

Гамов протягивает мне руку, потому что перед нами зияет прорыв.

– Сколько... Сколько ты об этом знал? – спрашиваю я.

– Понял, когда прочитал, – он пожимает плечами и нетерпеливо шевелит пальцами, мол, хватайся, Роза.

Я хмыкаю и прохожу мимо него, на улицу, где уже идет снег; не выдерживаю и оглядываюсь. Гамов появляется следом, и прорыв просто исчезает за его спиной, как не бывало.

– Файн бай ми², – говорю я больше для себя и несусь в сторону внедорожника, повисаю у Миши на шее, потом запрыгиваю в машину, надеваю на себя пальто и трясусь от холода, пока Макс наконец не захлопывает дверь, усевшись рядом.

– Командиры, – весело бросает наш водитель. – Куда?

– В Столешников, – кивает Гамов и даже не смотрит на меня.

² Ну и ладно. (англ.)

Мне, впрочем, все равно. Я думаю о том, что нужно надраться, желательно в компании Лешки, забыть обо всем, и внезапно испытываю жгучее желание увидеть своего ненаглядного.

– А потом на Чистые, – говорю я и достаю из сумки наушники.

– Нет-нет. Не слушай ее, в Столешников, потом на Арбат.

Я разворачиваюсь и смотрю на Гамова, широко раскрыв глаза. Наверное, как-то повлиял прорыв, потому что даже притворяться не надо.

– У меня день рождения, – буднично бросает он.

5

Muse преследовали меня повсюду. Учебник (на самом деле – сухонькая брошюрка в семьдесят страниц, изданная тиражом экземпляров в двадцать) советовал из-за этого не переживать, остаточный эффект прорыва, а то и вовсе растреванные нервы. Однако, когда на соседнем балконе зазвучала “Follow Me”, я аж вздрогнула.

- Здесь холодно, – сказал Гамов, становясь рядом со мной, сам в одной рубашке.
- Музыка хорошая зато, – отозвалась я, не глядя на него.
- Они взяли наш след?
- Есть немного.

В Столешниковом играла “Supermassive Black Hole”, по радио у Миши – “New Born”. Теперь еще и это.

- Пойдем танцевать, – попросил Гамов.

Я бросила взгляд на вечерний Арбат, проходящих мимо шушукающихся девчонок. Вздохнула и вспомнила, как однажды зимой сама шла с однокурсницей мимо этого здания, и та рассказывала мне, что каждую пятницу тут гремят самые зажигательные вечеринки. Вот как бывает, четыре года назад – остатки денег, снятых во всех банкоматах Москвы, сейчас – квартира гамовского друга, любезно организовавшего целый прием в честь дня рождения.

- Тридцать два? – спросила я.

Тот замер на пороге и кивнул:

- Десять лет.

Я наморщила нос и пошла в тепло. У противоположной стены смеялась Рита, жена Гамова. Редкая красавица: вьющиеся темные волосы, огромные карие глаза, высокая и стройная. Не то что некоторые. Вздохнув, я оглянулась на Гамова. Застрял с кем-то поговорить.

- Хороша, да? – прошипел на ухо знакомый голос.

- Туров, – констатировала я.

Только его мне для полного счастья и не хватало.

- Думаешь, он когда-нибудь с ней разведется ради тебя?

- Нет, Герман, он с ней разведется ради тебя.

Я хмыкнула в бокал шампанского и залпом его осушила.

- Мне просто жаль твоих нервов. Больно смотреть, как ты...

– Герочка, тост говорите? – Арлинова деловито пробиралась к нам сквозь толпу, избавившись от какой-то болтливой дамы.

- Именно! – радостно отозвался Туров.

- Поздравляю вас, гражданин, соврамши, – сквозь зубы выплюнула я.

Впрочем, Арлинову уже было не остановить.

– Я так ругалась сегодня на бедную деточку, а она показала высший класс в самой настоящей опасной ситуации! И нечего на меня удивленно смотреть, Гамов все доложил по форме! Роза, дорогая, вы не представляете себе, как я довольна, что у нас наконец-то появился второй оперативник, так тяжело без Степы приходилось!

Я попыталась воспринять информацию целиком и уложить ее в существующую в голове картинку. Получалось очень плохо.

- Такие вы с Максимом молодцы, когда успели переодеться только?

– Да вот заехали, Микаэла Витальевна, – во весь рот улыбнулась я. – Нельзя же ставить под удар секретность!

Арлинова закивала, явно одурманенная дорогушим шампанским, и повисла на руке у Турова. Я отсалютовала им обоим бокалом и двинулась с места, собираясь удариться в тактические бега. Единственное “но” – бежать в этой чертовой квартире было решительно некуда.

Разве только встать к стенке и стоять, глядя на то, как эти взрослые и красивые люди разговаривают, смеются и периодически танцуют, образуя самым своим существованием вакуум и пустоту вокруг меня.

– Какое платье, надо же! Кто заставил тебя его надеть?

– Лешка... – Я резко развернулась, выдыхая, и потянулась обнять своего парня.

Он, впрочем, замотал головой – отчего я ошарашенно замерла на месте – и тут же с хитрой улыбкой сам обхватил большими ладонями мое лицо, притягивая для поцелуя. Я обняла его руками за шею и вздрогнула от прикосновения. Происходящее казалось ирреальным и далеким, но волна электрического тока, прошившая тело, вернула меня к жизни.

– За что боролись, на то и напоролись, – пробормотала я, оторвавшись от Лешкиных губ, неосознанно глядя пальцами по его шее.

– О чем это ты? – Он едва сдерживал улыбку.

Я развернулась, ища взглядом Гамова. В конце концов, их давно пора было познакомиться.

Гамов танцевал с Ритой, и сердце немного сжалось. Впрочем, теперь со мной был Лешка, и никакие нападки Турова не могли пошатнуть мое мировосприятие.

– Вон, смотри. – Я дернула его за рукав. – Видишь брюнетку в шикарном платье?

– У тебя лучше, – безапелляционно отрезал мой дорогой и славный Лешка, и я расплылась в улыбке.

– Неправда же, сам знаешь. Как ты вообще в квартиру проник?

– Кража со взломом, а потом ты мне текстишь, бац! – а я по адресу, оказывается.

– Прекрати.

– А то что?

– А то снова поцелую.

– Вообще-то, в первый раз тебя поцеловал я.

Я со вздохом притянула его к себе. Мы столкнулись зубами, языки на этот раз оказались посмелее, и мое тело снова наполнилось теплом.

– Неприлично, – выдохнула я наконец.

– Ничего, перебьются, – ухмыльнулся Лешка, и я стукнула его по плечу, сама довольная донельзя.

– Так что с платьем?

– Вон, говорю, брюнетку видишь?

В этот момент Гамов прошел меня взглядом насквозь. Я чуть склонила голову набок. Нет, положительно, заявление полугодичной давности о том, что меня ничем не удивить, – полный идиотизм.

– Вижу, вижу. Она и есть твой Гамов?

Я еле сдержала смех.

– Да нет же, глупый, это его жена. Гамов с ней танцует.

– И при чем тут платье?

– Сама не знаю, – растерянно отозвалась я, лихорадочно соображая, что сказать. Сейчас наша прогулка по Столешникову невинной почему-то не выглядела.

– Макс сказал, что дресс-код есть дресс-код.

– То есть, для меня ты платье не наденешь, а для Макса...

– Замолчи, негодник! – я толкнула Лешку в бок.

Он только рассмеялся:

– Но платье достойное. И лучше, чем у его жены.

– Ты просто жалеешь меня.

– Нет, правда лучше. И дороже. Это сразу видно.

– А, наша звезда подиумов включила свое волшебное зрение?

На этот раз Лешка толкнул меня:

- МГУ разговаривать умеет, оказывается?
Я залиvisto рассмеялась, даже не желая притворяться.
- Я с тобой вообще только из-за твоей внешности!
– А я с тобой вообще только из-за твоих денег! – не остался в долгу Лешка, посмотрел мне в глаза долго и тягуче, отчего внутри сделалось сальто с поворотом, и предложил руку. – Извольте!
– Позвольте! – отозвалась я, и мы соскользнули в танец плавно и незаметно, вместе радуясь шутке из старого мультфильма.
– Пожалуй, они нас затмевают, – сказала я, когда мы в очередной раз сделали трот мимо Гамова и Риты.
– С ума сошла? – хмыкнул Лешка.
– Сам посуди. Я проигрываю Гамову.
– Почему ты сравниваешь себя с ним?
Я закатила глаза:
– Потому что красивый ты и красивая она. Здесь судить трудно, по-моему, вы с ней идете наравне. А мы с Максом симпатичные. Вот только он симпатичней меня. Взрослый, степенный.
– А ты моя самая глупая и самая прекрасная Лив на свете. Посмотри на себя, дух захватывает! А Гамов твой – старый дед.
– Ладно, ладно, больше не буду ставить под сомнение наш титул самой красивой пары, знаю, что ты этого не выносишь.
Музыка на мгновение прекратилась – и мне снова пришлось вздрогнуть, следующей заиграла “Plug In Baby”.
– Помнишь концерт?
– О, великолепно. – Я покачала головой. – Кто-то весь Уэмбли от восторга переполошил.
– Но афтерпати, с ними тремя! Как тебе вообще удалось достать пригласительные?
Я, холодея, отстранилась от Лешки.
– Сам знаешь. Нечего эту тему поднимать в сотый раз.
– Но почему бы не поднять? – В голубых глазах блеснуло что-то невероятно хитрое, и я нахмурилась. – Беллами-то как к тебе клеился!
– И ничего не... – начала было я, но тут на плечо опустилась чья-то ладонь.
– Конечно, – с достоинством кивнул Лешка, и в следующее мгновение я оказалась в требовательных руках Гамова.
Сердце хрястнуло и утонуло.
– А вы правда та самая... модель? – Раздался около меня голос Риты, я скосила глаза и увидела, что Лешка подхватил ее. Молодец какой, надо не забыть похвалить манеры.
– Правда, – низко отозвался он, и мы с Гамовым наконец унеслись дальше.
– Ты подумай. Целуешься с моделью, а его фотографии развешаны по всей Москве, Беллами приставал. – В голосе звучало не то осуждение, не то тщательно скрываемое изумление.
Чувствуя ритм, я посмотрела вниз и чуть не завалила все шоу. Бедро Гамова жили своей жизнью, и ничего сексуальнее видеть мне не доводилось.
– Бальные танцы? – только и сумела выдать я, краснея и отводя глаза, подлаживаясь к заданному тону.
Гамов кивнул с видимым удовольствием.
– Класс “Б”, между прочим.
– Впечатляет, – проговорила я, отстраняясь и проскальзывая под его рукой в полурокеро-рольном движении.
Он весь аж загорелся и стал лихо меня крутить. Благо, следующая песня позволяла, хит с нового альбома The Killers.
– Как же мне этого не хватает!

Оказалось, что мне не хватает тоже. А я-то думала, что Лешка – идеальный мужчина. Танцевать, однако, было веселее с Гамовым. Он валял дурака, строил лица и проговаривал одними губами особо задорные строки.

Через какое-то время мы успокоились, Лешка предпринял попытку меня отбить – к явному неудовольствию Риты, Гамов отказал, утаскивая меня неизвестно куда, и красавица-брюнетка осталась в компании моего красавца-блондина.

– Хорошо смотрятся, – мягко улыбаясь, проговорил Гамов.

– Нет-нет-нет, – скривилась я, – Лешик мой. Эксклюзивно.

– А Беллами? – Гамов чуть улыбнулся и придвинулся поближе, отчего стало очень неуютно.

– Ты многого обо мне не знаешь, Макс, – сказала я, намеренно отстраняясь.

– Расскажи.

– Сначала ты.

Гамов удивленно поднял брови.

– Давай, давай. Что и зачем ты наболтал Арлиновой?

– Ах, это. – Он вздохнул и медленно повлек меня в угол, где было поменьше народа. – Песню знаешь?

– Хватит меня проверять, – сквозь зубы прорычала я. – ЕЛО, кто не знает.

– Поразительно. Откуда что берется?

– В Интернете не сию.

– Отличная версия. – Гамов переплел мои пальцы со своими и совсем сбросил темп.

Я только и смогла, что взглянуть на него, широко раскрыв глаза.

– Ты правда думаешь, я на своем первом прорыве справился лучше? Если тебе интересно, я вообще забыл, кто такой, превратился в рыжего пострела, и, если бы не Степа, остался бы там навсегда.

– А точка напряжения? – нахмурилась я, не понимая.

– Какая точка напряжения, Степа час субъективки меня уговаривал прийти в себя и вернуться обратно вместе с ним. Я настолько вписался в мир, что не видел прорыва. И это абсолютно нормально. Ненормально – то, что ты ворвалась туда, лихо закрыла реальность, а после моего вмешательства еще и разрушила ее.

У меня даже руки опустились.

– Издеваешься, да? А отповедь на станции? Что это было?

Гамов заставил меня сделать медленный поворот. Класс “Б”, ага.

– Это была учеба. Я не мог бегать вокруг тебя и причитать о том, какая ты молодец, как ответственно подходишь к делу и как ты спасла мою никчемную шкуру. По правде сказать, Роза, хватило бы и закрытия, но...

– Стоп, – сказала я, на этот раз действительно останавливаясь.

Мучительно не хватало воздуха и кружилась голова.

– Пойдем на балкон. Не волнуйся, твой Лешик хорошо умеет занимать женщин.

Рита и Лешка сидели на диване. Он что-то говорил – она смеялась.

– Мне не нравится эта фраза, Макс.

– Прости, ничего такого не имел в виду. Энивейс³, он по уши в тебя влюблен.

На соседнем балконе, как легко догадаться, играли Muse. На этот раз – “Showbiz”. Гамов запаздывал, но я даже оборачиваться не стала. Голым рукам было довольно холодно.

– Не нашел твоего пальто, – сказал Гамов и набросил мне на плечи свое.

Я вздрогнула и покачала головой:

– Что происходит? Закрытия хватило бы? Я тебя спасла?

³ В любом случае. (англ.)

Гамов оперся на поручень и вздохнул:

– Конечно, хватило бы и закрытия. Но я знал, где точка напряжения, и мне хотелось, чтобы ты ее тоже нашла, раз уж все прошло так успешно. Знала бы ты, как я орал на Арлинову, пока меня везли к прорыву, а тут раз – появляешься ты, задача выполнена. И спасибо, что спасла мою жизнь.

Я покачала головой:

– Так купленное платье – благодарность? Макс, ты купил мне платье, которое стоит...

– Копейки? – поднял брови он. – Я представляю, сколько ты имеешь с книги, но думал, что...

– Макс, в общепринятом смысле чертово “Прада” стоит очень дорого, и оставим в стороне, сколько оно стоит для меня. Ты привозишь меня в Столешников, велишь выбирать наряд, мы проводим самые... – “веселые” почти слетело с моего языка, – ненормальные полчаса в моей жизни, меряя все подряд, находим что-то приличное, потому что “о боже, дресс-код”, и на выходе ты платишь за все.

– Мне так нравится, когда ты много говоришь, – Гамов улыбнулся, и его дыхание прочертило завораживающий след в воздухе.

Я вздохнула самым укоризненным образом, на который была способна, и отвернулась.

– Ты спасла мою жизнь. Так что давай не будем считать, сколько она стоит. Могу я подарить девушке платье?

– Вообще-то нет.

Гамов на мгновение прикрыл глаза:

– Могу я подарить платье напарнику?

Слово приятно обожгло сердце. Я помялась мгновение – и нехотя кивнула. Гамов аж расцвел.

– Теперь расскажи мне про Беллами. И почему встречаешься с моделью, и почему живешь на Чистых.

– Много будешь знать, скоро состаришься, – выдала я, посмотрела на его разочарованное лицо, подавила вздох и, встав на цыпочки, поцеловала в щеку, вдыхая горький запах какого-то дорогого одеколona.

– С днем рождения.

6

Я со стоном повалилась на рабочее место и, открыв ноутбук, уставилась в него невидящим взглядом. Голова раскалывалась на части, и любая попытка сделать умозаключение терпела крах от невыносимой боли.

В дверном проеме появилась чья-то тень.

– Как обстоят дела у нашей мисс мира?

Я даже не среагировала. Тратить хоть гран сил на Турова представлялось мне полнейшим идиотизмом.

– Отчет к шести сдавать, да? Представляю, представляю. Сейчас возьмешь и напишешь за полчаса, а там гуляй себе.

Виски начали гудеть.

– А где Макс? До сих пор не пришел в себя после вчерашнего, простите, суаре на Арбате? Прислал тебя отдуваться за двоих? Беденькая, Оливин, ты беденькая.

– Туров, уймись. – Язык с трудом ворочался во рту.

Я успела порядком подзабыть, что такое пить Krug и что похмелье от него ничуть не меньше, чем...

– Оливин! – рывкнули у меня над ухом, и на мгновение мир побелел от вспышки боли.

Когда туман рассеялся, оказалось, что Туров восседает прямо на моем письменном столе в опасной близости от ноутбука.

Я потеряла лоб и постаралась перевести взгляд с узких бедер, затянутых в недешевые джинсы. Проклятый ум, не останавливающийся ни на мгновение, сообщил мне вероятную марку и совсем невероятную стоимость, потом вернулся назад, посетовал на вчерашнее и сделал то же самое относительно платья Риты. Я даже оживилась, судя по всему, оно действительно было дешевле и проще моего.

– Меня, между прочим, издают, – сказал Туров – и был таков.

Видно, приличным тиражом, раз купил наконец-то нормальную одежду. Я вздохнула, поворочалась на месте – теперь-то как его урезонивать? – и решила спать.

– Скажите, а Максим здесь? – кто-то неловко постучал в дверь.

Я почти подскочила на месте:

– Нет, но скоро будет. Вышел нам за кофе, тут буквально пара минут, чтобы дойти.

Проснулась окончательно, только поняв, что наговорила, пожалуй, лишнего. Хорошо хоть, Туров не слышал. Гораздо приятнее держать его в неведении и ощущении собственного безграничного могущества.

– Можно подождать здесь?

Голос принадлежал весьма непростой особе средних лет. Тонушим сердцем я сделала пару выводов относительно нее и испытала странное желание снова увидеть Турова.

– Ждите. – Я коротко, но решительно кивнула на рабочий стол Макса в противоположном углу.

Женщина слегка наклонила голову, профланировала мимо и с невероятным, вынимающим из похмельной меня душу изяществом села за его стол. Именно в этот момент происходящее разонравилось мне окончательно.

– Позвольте поинтересоваться. – Я два раза сглотнула, но проще не стало. – Откуда вы знаете, что Макс здесь работает?

– Он рассказал мне.

Я поняла, что влипла окончательно.

– А это секрет? – Она пристально на меня посмотрела.

– Понятия не имею. – Я придвинула ноутбук поближе, открыла “Pages” и набрала:

“Вчера, около четырех часов дня, случился прорыв”.

Фраза была настолько плоха, что я с удовольствием швырнула бы компьютер в стену, но не в присутствии же... знакомой Макса. Назвать ее хоть как-то я затруднялась. Книжный агент? Или как там эта глупость именуется? Непохоже, слишком шикарно выглядит. Да и не стал бы агент приезжать сюда.

– Вы, наверное, Роза?

Я все-таки захлопнула крышку ноутбука, чувствуя, как стучит разогнанное алкоголем сердце. Хорошо, Лешкины приятельницы научили краситься так, что даже после ночи слез и хождения по барам я выглядела свежо и притягательно. А вчера было только шампанское, да и уехали мы не поздно.

Я кивнула и замерла выжидательно. Практика подсказывала, что, если отместить все версии, единственная оставшаяся и будет ответом. В голове сразу мелькнули Шерлок Холмс (у которого в глубоком детстве я этот прием и подцепила), Оскар Уайльд (по миллиону причин), Лондон, наш белый дом, и затылок стало ломить просто невыносимо.

– А почему вы на дне рождения не были? – спросила я и едва сдержала порыв позвонить Турову и умолять его принести мне льда из холодильника, аспирина, чего угодно, только чтобы это все прекратилось.

Розамунда была как-то поустойчивее. Хотя, в общем-то, ее на самом деле не было. Хотя... Ощущение кислоты на коже, длинные тяжелые волосы и глаза в глаза с Гамовым. Неужели все придумка и игры разума?

– Только прилетела из Парижа, никак не успевала. Собственно, это вас не касается.

Я сглотнула, кивнула и вышла за пятнадцатым, наверное, стаканом воды. Рядом с кулером обнаружился Туров, по всей видимости, разговаривавший с цистерной.

– Гера! – размашисто выдавила из себя я и хлопнула его по плечу. – Общаемся с неживой природой, никак?

– Воды холодной нет, Оливин, кто-то переусердствовал и сломал кран. Есть предположения насчет личности злоумышленника?

Он издевательски посмотрел на меня. Я снова испытала какое-то странное и размытое ощущение, совсем уж непонятное в свете того, что мне наконец-то удалось добраться до Лешки, только вернувшегося из очередной командировки.

Виски сжало тисками, и я зажмурила глаза.

Против ожиданий, Туров хмыкнул даже как-то сочувственно и налил стакан горячей воды – мне. Я протянула руку, потом поняла, что смогу взяться только за самый край, какого-то черта проскользила по туровским пальцам и, смущенная и злая, вернулась в кабинет, делая глоток и, конечно, обжигаясь до ужаса.

Любовница Гамова что-то кому-то втолковывала по “Верту”, поэтому в довершение всего я чуть было не облилась кипятком. Грызущее чувство заползло под кожу, и я, испугавшись, вдруг поняла, что совсем не ко двору Максимилиана Гамова, предпочитавшего ровесниц и дам постарше.

В коридоре раздались торопливые шаги, что-то хрипло бросил Туров, в ответ послышался знакомый смех. Наверное, надо было бежать.

– Полночь сказал, что ты умираешь, – усмехнулся Гамов, входя в кабинет и протягивая мне пакет находившейся неподалеку кофейни.

– Полночь? – Дама на том конце комнаты рассмеялась. – Это вы так Германа зовете?

“Дошло”, – мрачно подумала я.

– Мам? – удивленно спросил Макс и рванул к своему столу.

Полсекунды я пыталась понять, потом, не веря своим глазам, начала подмечать бесконечное множество, миллион маленьких, поразительных сходств. В самом деле, она его в пятнадцать, что ли, родила? И почему мне это сразу не пришло в голову?

Стараясь не смотреть на то, как они радостно обнимают друг друга – Макс сделался похож на ребенка, и мое сердце дрогнуло – я деловито вытащила из пакета три больших стакана. Так, один ему, один мне, один... Я сжала зубы посильнее. Один до краев был наполнен льдом.

– Роза, познакомься, это моя мама, Елена Леонидовна.

Я подняла взгляд на расцветшего Гамова, велела себе принять уже наконец-то приятную позу и выражение лица сделать попроще, улыбнулась – и подошла к ним обоим.

– Очень приятно, – сказала я, и это почти не прозвучало ложью.

Гамовская мама хохотнула – и поразительно изменилась.

– Это непростое дитя, о котором я слышу от тебя вот уже на протяжении последнего года, решило, что я твоя любовница.

Я просто взяла и уронила стакан со льдом на пол. Он рассыпался, правда, не весь, и Гамов изумленно переспросил:

– Да ладно?

Я присела, собирая разлетевшиеся льдинки и испытывая мучительное желание высыпать их себе за шиворот. Давненько не встречалась с такими пронизательными женщинами. Минимизацию потерь надо было начинать прямо сейчас, а я понятия не имела, в какую сторону двигаться.

– Я просто слишком много выпила вчера в честь вашего сына и позволила себе легкую неточность суждений, а потом, в самом деле, вы себя в зеркале видели?

Самая жалкая тирада за последние пять с лишним лет; даже отъезд из Лондона и разговор с отцом потребовали меньше слов. Но мать Гамова вдруг легко рассмеялась, едва заметно светлея лицом:

– Раз уж эта твоя прекрасная Оливинская такое говорит, впору поверить, а, Макс, что скажешь?

Гамову мое никчемное оправдание тоже пришлось по вкусу. Я наконец дособирала льдинки и, не поднимая головы, ушла в ванную. Не хватало, чтобы они увидели мои плавающие щеки.

Подсчеты я начала производить, простояв несколько мгновений внутри. Судя по всему, страшного ничего не случилось, и выводов никаких Гамов сделать не сумел. Минутку, а что это вообще за “год от тебя про нее слышу”?

Любопытство – и невыносимое желание кофе – выгнало меня наружу.

– ...пригласи ее, даже не думай отказываться, я, конечно, обещала ничего не говорить о Рите...

– Мам!

Брови поднялись сами собой, и я усиленно закашляла еще в коридоре. Не хватало прийти в самый драматический момент. Неполадки в семье Гамовых? Не все радужно в Датском королевстве? Да как там эта фраза звучала в оригинале?

Я зашла внутрь, изобразила самую смущенную из всех своих виноватых улыбок и устремилась к кофе.

– Мы на минутку, – сказал Гамов и куда-то потащил свою прекрасную во всех отношениях маму.

Не мудрствуя лукаво и отчаянно пытаясь не делать приятных выводов, я приложила к затылку остатки льда и приложилась к стакану с карамельным макиато. Мир очень быстро принялся светлеть, и я вспомнила, как поцеловала Макса в небритую щеку, а на губах почему-то осталась сладость, хотя пахло от него чем-то очень горьким и невыносимо сексуальным.

Стакан ушел за пару минут. Я потянулась и наконец-то почувствовала себя более-менее живой. Это был отличный результат, ведь живой по-настоящему я не чувствовала себя – дай-ка подумать – пять лет.

– Душенька, – пропела Арлинова, появляясь в дверях, – пойдём-ка со мной.

– Что-то не так, Микаэла Витальевна? – Я вскочила на ноги и буквально ринулась вслед за ней.

Посреди небольшого холла стояли все: Туров, Макс, его мама, а теперь еще и Арлинова.

– Вот, Максим похлопотал сегодня с утра. Я считаю, что правильно сделал.

В моем болящем и болеющем мозгу прокатился десяток предположений, оставляя за собой пустоту и тишину. Гамов сделал шаг вперед, я, инстинктивно – шаг назад, и все рассмеялись.

– Это танец такой, да? – впервые за сегодня отступная фраза удалась мне на отлично – и разрядила обстановку окончательно.

– Это тебя в штат переводят, Оливин, – укоризненно сказал Туров.

Гамов поднял правую руку, останавливая его:

– Несмотря на то, что госпожа Оливинская проработала с нами всего полтора месяца, вчера она доказала, что достойна перейти в ранг действительного статского советника...

Я засмеялась в голос. Умеет же так шутить!

– ...вернее, действующего оперативника. Так что, Роза, мы приняли решение не морочить тебе голову и выдать наконец-то удостоверение.

Я приняла корочку в руки, раскрыла ее – и сердце отправилось бегать марафон. Настроение, вопреки всему, не улучшилось.

Чуть кивнуть, впрочем, пришлось, и тогда все рассыпались в поздравлениях и принялись жать мне руки. Туров вытащил из-за дивана бутылку шампанского, мне стало немного плохо, все сделали по глотку из прозрачных стаканчиков; Арлинова приняла строгий вид и разогнала нас по кабинетам. Я немного замешкалась, снова вчитываясь в буквы на красном фоне, испытала нечто вроде отвращения к себе и чуть не влетела в гамовскую маму, собравшуюся уходить.

– Проводите? – спросила она, и я кивнула, запихивая удостоверение в карман джинсов.

Мы вышли на лестницу и стали неспешно спускаться вниз.

– А почему так рано?

– Да я вообще не должна тут быть. – Елена Леонидовна поджала губы. – По Максиму соскучилась.

За эти слова я простила ей все возможные и невозможные прегрешения сразу.

– А рейс? – спросила я.

Она глянула на меня исподлобья:

– Наверное, вы в курсе, что их несколько в день. Но все отменили или отложили. Я приехала в пятом часу утра.

– И он не встретил? – поинтересовалась я недовольно, потом укусила себя за язык. Нашла, чем заниматься, лезть в отношения матери и сына!

– Я не сказала ему ни времени, ни рейса, – вдруг легко рассмеялась она, молодея еще лет на десять.

Я кивнула, успокаиваясь.

– А вас так волнует моральный облик моего сына?

Мы наконец-то дошли до выхода и встали на ступеньках, ведущих в безумно красивый заснеженный двор.

– Вовсе нет! – быстро выдала я; заслужила искреннюю улыбку и рассмеялась сама, вдыхая морозный воздух.

Елена Леонидовна посмотрела на меня излишне долго, о чем-то промолчала и направилась к сиротливо притулившемуся за оградой мерседесу.

– Вы же не имеете права здесь находиться! – крикнула я вслед.

Та лишь пожала плечами и махнула рукой.

Обратно в наш кабинет я влетела пулей. Замерла на пороге. Гамов сидел на моем столе и держал в руках мой ноутбук. Раскрытый. Да что с ними всеми такое сегодня? Сначала Туров, теперь вот он.

– А если бы у меня там было...

– Порно? – Гамов посмотрел на меня шаловливо и медленно отпил из стакана с кофе.

– Что-то начатое? Недописанное?

Я скрестила руки на груди. Раз уж ему нравится, когда я много говорю – не дождется.

– Да тут есть уже. Дорогие ученые, у меня в подполе раздается стук.

Я выдернула ноутбук у него из рук и с самым независимым видом села за его стол.

Гамов только брови поднял и снова отхлебнул из стакана. Я засмотрелась было на его шею, но тут же себя одернула.

– Ты отчет в таком виде и собираешься сдавать?

Я сделала три гневных шага по комнате, захлопнула дверь – и оказалась с Гамовым нос к носу.

– Может, объяснишь?

– Что именно? – Он задумчиво посмотрел мимо меня, и я испытала резкое желание рвать и метать.

– Год? Маму? ФСБ, в конце концов? Мое звание?

Гамов хмыкнул и поставил стакан на стол.

– Легко, Роза. Год назад я впервые прочитал твою книгу. Столько шума было – сложно не прочитать. И очень захотел познакомиться. Мама однажды написала роман и, стесняясь всех, выложила его в сеть под никому не известным псевдонимом. Искали долго, когда нашли – я уговорил ее снять книжку с сайта и на всякий случай издать. Насчет ФСБ и звания думай сама. Неужто за полтора месяца не сообразила, что мы не воины справедливости на благотворительной основе? И вообще, где мой подарок?

Я продолжила молча сверлить его взглядом.

– И да, я прошу прощения, ты действительно Роза Оливинская, никогда бы не подумал, но в этого рода документах пишут правду. – Он мгновение помялся. – Тебе Арлинова про Бориса рассказывала?

Я вздрогнула и вытаращила глаза:

– Да, а что?

– Я бы временные нестыковки углядел в этом, а не в, прости, фразе, оброненной моей мамой.

– Это что, стандартная страшилка для зарвавшихся юнцов? – спросила я, игнорируя тот факт, что Гамов придал излишнее значение тому, чему придала излишнее значение я сама.

Он фыркнул.

– Рано или поздно об этом узнают все. И, честное слово, если бы ты так не поработала с прорывом, я бы тебя выгнал взащей собственными руками.

Ожгло, будто прутом по спине.

– Я решила, что прорывы, пусть и не ежемесячные, были всегда. И что в СССР явно существовал институт этим занимавшийся. И что оба они – оттуда. – Я помолчала и зло сощурилась. – Сам бы выгнал, значит...

– И насчет подарка, да, – сказал Гамов, сминая стакан в руке, вставая с места и вальяжно направляясь ко мне.

Я едва успела пожать плечами, когда он вдруг наклонился, коснулся губами моей щеки, замер – и вышел из кабинета, бросив на прощание:

– Отчет к шести мне на стол.

7

Я вышла из кабинета без пяти шесть, неся под мышкой довольно легкую распечатку романа. Непринужденно протанцевала мимо двух чужих кабинетов – там было темно и пусто – и открыла карточкой дверь. Удостоверение все еще тяготило карман джинсов, но я старалась не обращать на него внимания. Подумаешь, младлей. Подумаешь, Федеральная служба безопасности. Что там.

На лестнице было накурено. Я поморщила нос, вспомнила благодатные дни своего пятнадцатилетия, золотые зажигалки Зиппо и невероятное количество способов добыть из них огонь, расправила плечи и стала спускаться.

– Что происходит в этой стране, Максим?

Я с трудом удержала равнодушное выражение лица. Так вот где, оказывается, пропал Гамов. Курил одну за другой и трепался с Туровым о судьбах Родины.

– Гер, как будто маленький, честное слово. Слажал ноль в очередной раз. Помнится, еще вчера обороты в Сети набирал какой-то абсурдистский политический памфлет.

– Серьезно? Ты помнишь?

Гамов мгновение помолчал, а я поймала себя на том, что стою, затаив дыхание и держу дверь, чтобы не захлопнулась. Со мной о таких вещах никто и не думал разговаривать.

– Не знаю. Кажется, припоминаю. Нельзя же до конца быть уверенным в таких вещах.

– Понятное дело. Но Макс... Они же должны были предотвратить.

– Что именно, Гер? Прорыв сатиры, очень крепко завязанной на нашей действительности, так, что в тексте не разберешь, где стеб, а где правда? Нулю, думаешь, просто работать?

Туров недовольно хмыкнул.

– Я предполагал, они будут справляться получше, когда к ним свалил Степа. Видел его вчера. Все же на ушах ходили с нашим прорывом.

– Шутишь? – У Гамова даже голос сел на мгновение, а мне стало стыдно, что я подслушиваю.

– Нет, примчался на всех парах, кричит, волнуется, говорит, знаю, что у вас прорыв, да еще какой, а Максимки в Москве нет, пойду закрывать.

Туров прервался, и я услышала отчетливые щелчки дешевой зажигалки.

– И что? – тихо и как-то блекло поинтересовался Гамов.

– Да ничего. Арлинова усадила его в кресло, я сказал, что все под контролем, он попытался что-то нехорошее вякнуть про Оливин, в смысле, про Розу, Арлинова выпроводила его взащей и высказала напоследок. Хотя сам понимаешь...

Гамов слегка кашлянул. Я деловито хлопнула дверью, мгновение повозилась с сумкой и романом и медленно пошла вниз по ступенькам. Как ни странно, разговор и не думал прерываться.

– Понимаю. Только не очень. Прохлаждался у нас, а у самого там сатиру на грани сюрреализма вынесло в реальность, и теперь наша многострадальная страна имеет этот многострадальный закон?! – на одном дыхании выпалил Гамов, и я замедлила шаг.

– Отправили на закрытие кого-нибудь другого. А может, они вообще этого прорыва не заметили. Или было уже слишком поздно. Сам знаешь, сюрреализма тут и без проделок ноосферы хватает. А сатира только завладела разумом – и все. Растворилась здесь, стала реальностью, как не бывало этого постика, написанного двадцатитысячником и разошедшегося миллионами. Оливин, спускайся уже, что ты там застряла?

Последнее было сказано в дыру между лестницами, и я увидела запрокинутое ко мне лицо Турова. Осталось только слабо помахать пальцами в ответ и почти уронить ничем не скрепленные страницы.

– В Зеро столько народа, что можно было бы как-то отслеживать посты, выходящие в топ, ты не находишь?

Гамов докуривал сигарету и, кажется, скоро должен был зажечь новую. Ноги понесли меня самостоятельно, без участия мозга.

– Максим, ну что ты хочешь от меня услышать? Что они чертовы раздолбаи, а мы молодцы?

– Хорошо бы. – Гамов чуть хмыкнул.

Я долетела до них как раз в тот момент, когда он безуспешно щелкал своей Зиппо. Рефлексы сработали, будто и не было этих семи лет. Выхватить левой, двумя пальцами, перевернуть похитрее (решай, решай, решай, какой из фокусов делаешь, а, черт бы с ним), резко вниз по джинсам – и дать Гамову прикурить, кожей чувствуя, как обалдевает Туров.

– Вот так это и делается, детишки, – сказала я и, оскалившись во все свои прекрасные зубы, закрыла крышку Зиппо одним движением кисти.

– Впечатляет, – отозвался Гамов и с мягкой улыбкой посмотрел на меня.

Я тоже заглянула внутрь себя, потому что на мгновение почувствовала давно выведенное и выеденное чувство неуверенности. Маленькую искорку, метавшуюся и вопрошавшую: “А если бы в ней не оказалось чертового бензина?”. Пришлось резко выдохнуть и выгнать мысль из головы. С этого все и начинается. А заканчивается обычно весьма плачевно.

– О чем разговор? Зефир, Зеро, что еще в наличии? Зарин, зоман? – Я протянула зажигалку Гамову и, холодея, увидела, что это самая простенькая Зиппо с витиеватой, судя по всему, зеркальной гравировкой. Слово “Рита” я, впрочем, прочесть сумела. Подарок на какую-нибудь годовщину.

Главное – держать лицо поровнее.

Туров рассмеялся:

– Нет, зарина и зомана пока нет. Впрочем, все это не твоего ума дела, Оливин.

Я подняла брови на рекордную высоту. Гамов, видимо, успел взять себя в руки – что за Степа еще? – потому что сказал спокойно:

– Так мне нравится эта ваша взаимная ненависть.

Мы с Туровым, не сговариваясь, фыркнули.

– Ладно, суффражистки, я пошла. Вы тут можете дальше за права обиженных и угнетенных на лестничной клетке курить, а мне надо реальность закрывать.

Сделав два шага к выходу, я остановилась и со вздохом обернулась.

– Нет, не пошла. Макс, мне нужна твоя отмашка.

Ничего я, конечно, не забывала, но подобное отношение ко мне... диктовало определенные правила игры.

– Давай-ка сюда, – Гамов протянул руку и забрал роман. – И не обижайся. Просто мы не хотим забивать тебе голову.

– Серьезно? – тихо спросила я, старательно отводя взгляд от ежившегося на холоде Турова, одетого в майку и тоненькую толстовку. Что с ним сегодня, в самом деле, пластическую операцию сделал?

Я старательно подавила раздражение, еще не хватало, столько эмоций одновременно. В активе остались желание (легко списываемое на гормоны и возраст), дикое любопытство и стремление досадить. Последние два тоже надо было как можно быстрее убить.

– Может, вы не хотите, чтобы я ушла в зеро, как этот ваш Степа?

Вопрос произвел самый неожиданный эффект. Туров, по моим представлениям, профессионально курящий лет с пяти, подавился сигаретным дымом и принялся судорожно кашлять; брови Макса сделали такой кульбит, что я даже немного позавидовала.

– Арлинова упомянула какого-то Степу, вы тут стоите про Зеро разговариваете, да ты и сам про него рассказывал, что такого-то? – пожалала плечами я. – Зеро – это Закрытие реальностей, да?

Гамов молчал, Туров кашлял, и я на мгновение испытала досаду. Не надо было поднимать вопрос. Не сегодня. Крутящиеся в голове вероятности явно на это указывали.

– Однако, – сказал, наконец, Гамов, протягивая роман обратно. – Вообще, ты действующий сотрудник, моего одобрения тебе больше не требуется. Хочешь – закрывай, хочешь – оставляй. Ответственность на тебе. За весь мир.

– Хочешь – уходи в Зеро, – вдруг резко подобрался Туров, изнутри своего самого “я” защищая Гамова так, что я даже удивилась.

– Ребят, в самом деле, пошутить, что ли, нельзя?

– Нет-нет. Дадим тебе Степин номер, позвонишь ему, мы с Максом, если что, рекомендацию составим.

Я помотала головой, развернулась и вышла на заснеженную темную улицу, твердо решив про себя деконструировать реальность и взять заслуженный отгул, полагавшийся оперативнику после работы.

У самых ворот меня нагнал Гамов.

– Роза, погоди.

Я подняла левую руку и помотала головой.

– Я понимаю, что ты ничего даже слушать не хочешь. Дело не в этом.

Шел снег, крупный и пушистый, прямо как в сказках.

– Дело в том, что...

– Что Оливину пора бы перестать изображать из себя драгоценный камень.

И Туров подоспел, надо же.

– Давай, Роза, сходи, закрой реальность, а потом встретимся в кафе втроем и поговорим. Это прозвучало так буднично и почему-то обидно, что я сразу затрясла головой.

– Нет уж, Макс, я схожу, предложу барышне издаться и поеду домой денька на три. Прорыв, вредность производства, все такое.

– Оливин, – Туров и на улицу вылетел в своей чертовой толстовке и теперь ежился от холода, – не валяй дурака. Мы не можем издать всех. Есть квота.

– После того, как издали меня? – Я прищурилась, переводя взгляд с одного на другого. – А что такого? Неплохая книга у девушки, между прочим.

– Тебя издали твои издатели, – угрюмо проговорил Гамов, вертя в пальцах чертову зажигалку и глядя куда-то вниз. – Ты что, по самиздатам ходила и сетевую популярность набирала? Пропустил я как-то этот момент. Что скажешь, Гер?

– И я пропустил, – Туров скрестил руки на груди. – Кто бы что ни говорил, ты, Оливин, – талант.

В этот момент я чуть не упала лицом в снег:

– От вчерашнего не отошел, Гер?

Тот лишь укоризненно покачал головой.

– Мы тебя не издавали! – упорно повторил Гамов.

– Знаю, – бросила я. – Так что с “Бериллом”?

– Деконструируй, раз решила, что опасно. Гер?

– Хлебнем мы с Оливином еще, – раздраженно бросил Туров и пошел обратно в офис.

Гамов недовольно мотнул головой:

– Мне бы не хотелось, чтобы ваши личные отношения как-то влияли...

– Ты шутишь?

– Ладно, об этом после. Иди и деконструируй уже.

– Ага, а девочка потом писать не сможет.

– Сможет. Если захочет.

Последнее Гамов почти выплюнул.

Я как можно более иронично кивнула – и шагнула в “Берилл”. С места и без подготовки. Хорошее воображение, роман в руках и толика злости иногда творят чудеса.

Лондон оглушил меня шумом, цветом и запахами. Солнечный, невероятный, небывалый Лондон моего детства. Из окна несутся 3 Doors Down, я замираю на мгновение – и сразу понимаю, где я и зачем. Песня не перестает играть, но я все-таки знаю и делаю два глубоких вдоха, глядя на свои трясущиеся пальцы.

Роман был про молодую симпатичную авантюристку, обнаружившую магию в обыденном и закрутившую ее в разные стороны, в основном – для личных целей. Она попадала в переплеты, моталась из страны в страну, но заканчивала явно лучшим человеком, чем была изначально. Я неловко потопталась на месте под музыку. Судя по всему, через какое-то время героиня появилась бы именно здесь. Мне, однако, не было никакой надобности с ней общаться. Я и в Лондон-то попала только потому, что знала в указанном посреди книги районе каждую трещинку. Автор же, неплохая, видимо, барышня, писала пабы и достопримечательности по картам Гугл, а поэтому... Мир начало едва заметно потряхивать почти сразу после того, как я огляделась.

– Тепло вы как-то одеты для нынешних погод.

Я удивленно обернулась на звук голоса. На крыльце дома сидел молодой парень в перчатках с обрезанными пальцами и курил сигарету.

– Вам, вам говорю, – кивнул он и задумчиво посмотрел вниз. Карие глаза, темные волосы, идеальная шея...

– Ну она тебя и написала, – только и смогла вымолвить я.

В голову сразу пришла запретная, но совсем не тронутая идея, и я поняла, что сейчас сделаю. Вот просто возьму и сделаю, и гори там Гамов синим пламенем со своими правилами, а Лешка... Что Лешка, это же ведь не измена. Я сделала шаг вперед, наклонилась и поцеловала невозможного, несуществующего персонажа прямо в пахнущие дымом губы, провела правой рукой по шее. Он как-то даже опешил – да откуда же в неглубокой книге такой герой? – а я рассмеялась и побежала вниз по улице, обреченно надеясь увидеть белый дом. Солнце светило, совсем как в детстве, да и наплевать, ну кто перепутает чужую книжку с реальностью, Саус стрит, направо на Вейвертон, потом Чарльз. Я встала, как вкопанная, видя совсем другие дома, больше похожие на Ригу или Краков, согнулась пополам – почти как от боли, и мир стал рушиться прямо у меня на глазах. Я не выходила долго, пока не начали орать люди, потом вздрогнула – и шагнула из романа в первую попавшуюся дверь.

Гамов, все так же стоявший рядом (да меня не было секунды три, наверное), похлопал по плечу и повлек за собой в машину, а я никак не могла отдышаться, обманутая и оглушенная, потому что в детстве однажды потерялась и бежала так же, Саус стрит, Вейвертон, Чарльз, знакомая местность, тут живет Ирен, Ирка (кстати, со спины какую-то блондинку я только что видела и почти решила, что это правда), еще немного – и вот он, дом, а на крыльце перепуганные мама с папой. Ничего подобного. Другая местность. Другое все. Фальшивое и ненастоящее. А если бы нет?

– Ты прав, Макс, – заплетающимся языком сказала я. – Нельзя оставаться там дольше.

Гамов что-то провещал в ответ, но я даже не зафиксировала. Ввалилась домой, упала на кровать, вытащила из-под себя записку. Лешка веселился на какой-то вечеринке. На этот раз – без меня. Потому что я действительно чуть было не пропала в придуманном Лондоне. Поверила чужой книжке, захотела проверить – и... Додумать мне не дал зазвонивший телефон. Номер был заблокирован. Я со вздохом провела пальцем по экрану, все еще находясь там, в чертовом Лондоне, и услышала вдруг чистейший звонкий английский:

– Ты даже не знаешь, как меня зовут.

Мир на мгновение поплыл, потому что мне показалось, что на том конце – парень в перчатках с обрезанными пальцами.

– Оливия, ау! Я тут. Хочу тебя заверить, что меня никто не писал. Я здесь, вполне живой и весьма удивленный поцелуем.

Я уронила айфон на пол, взвизгнула и стала топтать экран ногами, чтобы наверняка.

8

Лешка ввалился домой под утро, в четыре тридцать семь. Прождавшая этого весь вечер и всю ночь, я только руками смогла развести, увидев, что он отвратительно пьян. Я очень любила свою непутевую модель, но не в такие моменты.

Когда-то, курсе на третьем, он озарил мою жизнь, ворвавшись в нее на бездарной шумной тусовке по случаю запуска новой линии одеколона, и я была благодарна ему только за это, потому что уже почти загнулась от одиночества и бессцельности своего существования. Бабушка только умерла, и мне внезапно перепала квартира на Чистых прудах, так что даже тридцать тысяч в месяц тратить было не на что, и я перестала работать, перестала делать хоть что-то. А тут он – сияющий, благоухающий, моделька-реклама. И я – в простом строгом платье, наливающаяся бесплатным шампанским. Неладное я заподозрила сразу. Зачем молодому красавчику пялиться на меня? Естественно, за деньгами отца. Небось, на всяких бабок надоело вешаться, а тут такой шикарный вариант. В общем, телефона он не получил ни в этот раз, ни в два следующих.

Я вздохнула, накрыла Лешку, упавшего прямо на диван, пледом, подумала – и принесла ему стакан воды. Одиночество снова накатывало волнами. Каким-то чудным и странным образом он почти излечил меня от этого ощущения, с ним я не была одна, когда он участвовал в модных показах в Европе, а я защищала курсовые про Меровингов в Москве; не была одна, когда он спал, свалившись после очередного рейса. Вообще не была одна. Но вот когда Лешка пил... Я никогда не могла понять, почему, но чувство пустого, абсолютного космоса сваливалось на мои плечи и давило так, что хоть вой. Я как будто оставалась в комнате в одиночестве, да что там – снова наедине со всей Вселенной и чертовыми звездами. Лешка переставал существовать как человек, и даже целоваться с ним совсем не хотелось. Пронаблюдав такое со стороны, я твердо решила про себя, что трех, максимум четырех бокалов шампанского мне хватит за глаза и для веселья, и для того, чтобы не выглядеть пустым внутри инопланетянином в глазах окружающих.

Пытаясь побороть раздражение, я пошла в ванную. Одеваться было еще слишком рано, но сколько можно лежать и думать. Чертов Лешка, зачем надрался в ноль, зачем оставил меня в самом сердце всех неприятностей. Вроде наши отношения стали еще лучше, когда я вышла работать в отдел, не приходилось так часто сидеть дома, пока Лешка мотался по раутам и презентациям, зарабатывая вполне неплохие деньги. Моя зарплата приходила прямо на счет, и делать ради этого ничего не надо было. Разве только потратить почти полтора года жизни, споткнувшись как-то о булыжник и подняв взгляд к бесконечному темно-синему небу.

Я пошла в комнату, добралась на ощупь до книжного шкафа и нашла том “Меридианов”. Корешок, как обычно, согревал пальцы, и на мгновение я прислонилась лбом к полке, впуская ощущение в себя и обнуляясь, откатываясь к истокам, к тому, что было верным. Решение пришло мучительно и не сразу, но, открывая глаза, я уже знала, что сейчас наступит утро. Свет зальет прекрасный бульвар; Лешка проснется с головной болью, но самим собой, и я буду совсем не одинока. А Гамов – Гамов должен узнать, что я выпустила черноволосого красавчика из книжки в реальность., а еще, что он чертов везунчик, но не мне же ему об этом рассказывать.

Я оделась и вышла из дома, добрела до ближайшего круглосуточного рестораника и окопалась там, лениво гася кофе чашку за чашкой и листая прихваченный злополучный роман. Описания кудрявого курильщика мне не попало, но это и не удивительно, учитывая, что он вышел погулять вслед за мной в нашу реальность. А потом еще и звонить надумал. Меня передернуло, я оставила безумные чаевые хмурому официанту и побрела по направлению к Новой Басманной, мрачно рассматривая редкие машины.

Наш офис не дремал круглосуточно, и на работу все приходили, как могли, однако было семь утра, и я рассчитывала почитать старые дела о закрытиях в одиночестве – до вероятного разжалования меня в самые обычные самые продаваемые писатели. Может быть, кто-нибудь уже умудрился поцеловать персонажа, и тот постфактум ожил? Не считая Принца и Белоснежки. Я чуть хмыкнула и засунула руки поглубже в карманы толстовки. Пора было переходить на шубки, но не хотелось. Меха внушали мне непонятную дрожь, а я и так слишком много боялась в своей жизни.

Я свернула в переулочек. Сознание фиксировало излишний наплыв мыслей, но не справлялось совсем, и я в очередной раз подсадовала на себя. Мне как-то посоветовали обратиться к психологу, но этой касте я не доверяла совсем. Я вообще людям доверяла мало, и в противостоянии со звездами данный факт помогал очень сильно. По-хорошему, в данный момент, прямо сейчас, в семь ноль две, я готова была узнать, что Лешка мне изменяет – и остаться ровно стоять на ногах. Это мало что изменило бы в моей картинке бытия. Разве только пару неудобностей принесло бы, связанных с тем, что двадцатилетняя сволочь Туров, оказывается, умеет одеваться и не так уж плох собой. Не настолько прекрасен, как Гамов, но что тот Гамов. Я вздохнула и пнула снег, который не замедлил разлететься неровными хлопьями. Нужно было брать себя в руки и думать, размышлять, рефлексировать, черт побери, куда меньше. Ну прорыв, ну Гамов, ну Столешников, ну день рождения, ну Крюг, ну удостоверение ФСБ, ну парень какой-то из книжки вывалился – и хватило, уже расклеилась, уже не сплю, уже ставлю под сомнение правильность своих действий. Чему я сама научилась, если научилась вообще, так это тому, что никогда нельзя задумываться, правильно ли поступаешь. Age, quod agis, abiens, abi. Делаешь – делай, уходя – уходи. Как-то так. Все часы дорогостоящей терапии – о, да я даже господу-боженьку могла себе купить в качестве психолога, психиатра и демиурга ко всему прочему – привели бы только к этой идее.

Я сделала два глубоких вдоха. Легкие обожгло холодным воздухом, но хоть плакать расхотелось, а это было явным плюсом. Такой роскоши, как слезы, я себе точно позволить не могла. А с демиургом поговорить было бы интересно. Спросить: “Старый ты пень, почему все так, а не иначе? Почему мне своих героев жалко, и я никого не убила даже, а ты? Что ты тут делаешь вообще?”. Богохульство всегда приводило меня в чувство. Вот и сейчас, лавируя между маленькими домишками, я начала ощущать землю под ногами. Из-за поворота показалось здание нашего офиса. Сердце неприятно ухнуло вниз – в кабинете почему-то горел свет. Ноги сами понесли меня быстрее, я вылетела на прогалину, так и не отрывая взгляда от третьего этажа, достала карточку, повозилась с замком на кованых воротах, внеслась внутрь... И чуть не напоролась на сидевшего на ступеньках молодого парня в перчатках с обрезанными пальцами. Он курил и смотрел на меня слегка исподлобья.

Сложно сказать, как я оказалась в нашем с Гамовым кабинете, помню, что, пока бежала по лестнице, орала: “Максим! Максим! Макси-и-и-им!!!” – не переставая и не заботясь вообще ни о чем. Больше всего я боялась, что свет там просто забыли выключить, но, в конце концов, можно же забаррикадироваться, запереться изнутри, позвонить... Гамов как раз выходил с распечатками, когда я долетела до дверей, захлопнув все, что захлопывается, за собой. Испытав неприличный приступ облегчения, я просто внесла его внутрь, толкая в грудь изо всех сил и прижимая к стене.

Было тепло, тихо и пахло горьким. Я пришла в себя буквально на мгновение, заорала изо всех сил – мне на голову упал лист бумаги – и побежала запирать дверь кабинета. Остановилась я только в тот момент, когда Гамов мягко отодвинул меня в сторону. Замка не было, а значит, я просто хлопала дверью изо всех сил. Я перевела дыхание и схватилась за огромный комод, но тут Гамов положил обе руки мне на плечи и развернул к себе.

Я никак не могла уловить смысла его слов, потом, чувствуя подкатывающий к горлу ком, врезала себе по левой щеке. В голове зазвенело, но я очнулась.

– Максим, Максим, послушай меня, мы должны что-то сделать, потому что я налажала по полной, Максим, – да к делу же, чудище неприкаемое! – вчера из книги каким-то образом вышел персонаж и теперь преследует меня, и ты пойми, может, я вообще не закрыла реальность, я просто точно знаю, что он...

– В перчатках с обрезанными пальцами? Кудрявый? – спокойно поинтересовался Гамов, и я, в смешанных чувствах, угукнула.

Он продолжал держать руки на моих плечах, и я почему-то поняла, что все будет хорошо.

– И ты из-за этого так орешь и суетишься... Оливия?

Я судорожно закивала, поминутно бросая взгляды в темный коридор, потом в голове будто щелчок раздался, и я снова почувствовала, что скольжу в безумие.

– Макс, – сказала я, делая шаг назад, но не разрывая контакта, – откуда ты знаешь мое настоящее имя?

Гамов отпустил меня сам, сел на край письменного стола и расхохотался, как сумасшедший. Я быстро прикинула варианты отхода, наиболее удачной мне показалась черная лестница, по считывающему механизму не надо было водить карточкой, она открывалась от легкого касания, замок меняли позже всего.

– Хороша же ты, – вдруг посерьезнел Гамов. – Гостя на морозе оставила, да?

– Какого гостя, Макс? – взвизгнула я.

– Да Эйдана же. – Он развел руками так, будто я должна была все понять еще два часа назад.

– Эйдан его зовут. Глава английского закрытия. Коллега наш.

– Максим, – тихо начала я. – Понимаешь, когда реальность книги накладывается на нашу...

– Роза, да он в той же книге был! Неужели сложно понять? – Гамов на секунду замялся. – То есть, не Роза.

– Каким образом?

– Впусти его. Там холодно. Ну же, бегом. Потом поговорим.

Я поняла, что буду стоять на месте до победного и подняла брови. Наконец-то без импровизаций.

– Оливия! – рявкнул Гамов, и меня как будто пощечиной развернуло.

– Не зови меня так, – прошипела я, делая шаг к окну.

– Это твое имя. Об этом мне, между прочим, сказал Эйдан, Эйдан, а не ты. И что сложного в том, что “Берилл” оказался популярен у русских эмигрантов в Англии и грозил всплеском там? Тебе-то что в этом непонятного?

Мне решительно не нравились ни тон, ни смысл сказанного.

– Я не эмигрант, – выдавила наконец я. – Родители – может, а я нет. Я вообще здесь живу. В России.

– Послушай меня, несчастье. Эйдан рассчитал вероятный всплеск, потому что по всей Великобритании – или как там, Соединенному Королевству? – русскоязычных хватает. Переводчик зачитал ему текст. Он пошел закрывать, напоролся на тебя, прилетел сюда сразу после выхода.

– Зачем? – скривилась я. – Прилетать зачем было?

– Затем, что мы с ним кое о чем не договорили на Конгрессе. Понимаешь? Я его знаю сто лет. И еще, вот скажи мне, кто-то когда-то персонажей вытаскивал? Он – похож на персонажа?

Все вопросы неслись мне в спину. Перенервничала, бывает. Надо было еще вчера сообразить, когда он по имени назвал, что за фрукт. Никакой не персонаж, конечно, и инородный объект сразу выделил. Кто мне только удостоверение выдал, я же боюсь всего до одури.

Сделав самый глубокий вдох за последние сутки, я отперла входную дверь и устала на мгновение обернувшегося парня.

– Без поцелуя в этот раз? – буднично уточнил он, опуская ворот куртки и заходя внутрь.

Я слегка рассмеялась в ответ.

– Мы с Максом так долго спорили насчет твоего имени, что я на секунду решил, будто ты персонаж книги, представляешь? Он мне все твердил и твердил, что никакой Оливии у вас нет.

Дверь с шумом захлопнулась. Красавчик протянул мне руку:

– Эйдан.

– Долгая история, – я потрясла его заледеневшую ладонь.

9

– И... как Лондон? – наконец-то выдавила я.

Вопрос мучил меня последние два с половиной часа. С одной стороны, задавать его и расписываться в собственной слабости не хотелось, с другой... Черт возьми, как же я соскучилась по этому странному городу.

Эйдан, живописно расположившийся у окна, медленно повернулся ко мне, и я едва удержалась от восхищенной улыбки: красавчик, каких поискать.

– Я правильно понимаю, что ты не была дома пять лет? Сколько ни рылся, так ничего и не смог найти по твоим прилетам в Великобританию.

Я помолчала мгновение, вслушиваясь в обрывки туровского телефонного разговора и стараясь отвлечься от ломоты в висках, всегда обрушивавшейся на отсутствие сна и пустой желудок. Посчитала годы. Действительно пять лет. Целая жизнь.

– Да, не была ни разу.

Эйдан помялся мгновение, устраиваясь на подоконнике поудобнее.

– Сильно. Даже спрашивать не буду. Рискну предположить только, что это как-то связано с разводом твоих родителей?

Я раздраженно хмыкнула. Гамов должен был вернуться с минуты на минуту, а красавчик Эйдан Ноулз все никак не переходил к сути.

– Ах да, Лондон! – Он на мгновение опустил взгляд. – А ты приезжай, сама посмотри, что я тебе рассказывать буду.

– Ну как, соскучились? – На пороге появился сияющий Гамов. – Оливия, есть контакт, Арлинова дала добро.

Непривычное имя резануло слух, и я поморщилась.

– У меня новый паспорт.

– У тебя раздвоение личности. – Гамов обнял меня за плечи и поцеловал в лоб.

Если бы не находившийся в кабинете Эйдан, я бы, наверное, устроила скандал.

– Что?

– Раздвоение личности. Эйдан, прости меня за отвратительный английский, я жутко комплекую говорить в вашем с мисс Розен присутствии.

Тот улыбнулся и мотнул головой. Гамов взял со стола телефон, бросил его в карман джинсов и с довольным видом посмотрел на меня:

– Идем закрывать недельный план.

Услышав такие слова прежде, я бы вскочила с места и понеслась вперед, как радостная собачонка, но сегодня мне хотелось спать, у меня ломило виски, чертов красавчик не сказал, что с Лондоном, да и в целом жизнь напоминала весьма дурной фильм.

– А Геру мы с собой не берем? – нашлась я.

Гамов уставился на меня изумленно.

– Пускай тоже полюбуется, пообщается с Эйदानом, дел-то. Да и в книги пусть заглянет с нами. Посмотрит на то, как настоящие деконструкторы работают. Ему пригодится.

– Хорошо, возьмем Геру. И пойдем уже. Нам надо закрыть план и повезти коллегу ужинать в какое-нибудь приличное место.

– Не стоит, – Эйдан поднял руки, как будто капитулируя. – Я прилетел договорить, Макс, потому что на Конгрессе, судя по всему, мои идеи воспринял только ты.

– Традиции русского гостеприимства, – оскалила зубы я. – Не отвертись. А говорить нам можно в любом месте и на любые темы. Все равно услышавший разве только в скорую позвонит.

– Пошли. – Гамов нетерпеливо дернул плечом. – Оливия, бери своего ненаглядного Геру и пошли.

Отчаянно захотелось врезать ему по щеке, чтобы остался красный след. Я вздрогнула, возвращаясь из этой прекрасной вероятностной ветки, и отметила про себя, что стала испытывать слишком много эмоций.

Отметив – вышла из кабинета и стукнулась к Турову.

– Открыто, – грубо брякнул он.

Чертыхнувшись про себя, я заглянула внутрь. Туров сидел, уставившись в экран ноутбука, не иначе, нашел что-то интересное.

– Пойдем с нами, – сказала я. – Собрались перед Эйданом хвастаться, и Арлинова...

– Да я слышал, думаешь, совсем тут погряз в очередном шизофреническом шедевре, Оливин?

– Ну и пошли.

Я кашлянула и подумала, что трачу непозволительно много времени на излишне короткие фразы.

– Еще чего, – Туров оторвался от ноутбука и нахмурился.

– Пошли. Потом в какой-нибудь ресторан.

– Оливин, – протянул он как-то чересчур сладко, и под ложечкой засосало. – А это правда, что ты поцеловала агента Ноулза, пока он был в книге вместе с тобой?

Под землю я не провалилась только по чистой случайности. Дьявол нынче ловил совсем других людей.

– Решила заставить Гамова ревновать, поцеловав персонаж? Это поистине умное, а главное – нестандартное решение!

Я шваркнула дверь уже за спиной, не дослушав тираду до конца, и двинулась по направлению к стоявшим у выхода Гамову и Эйдану; медленно сосчитала до пяти. Ровно на “шесть” Турова вынесло из кабинета, как пробку из бутылки шампанского, он догнал меня и схватил за плечо, правда, совсем не больно.

– Не трожь, – прошипела я, старательно улыбаясь.

Гамов кивнул – видимо, нам обоим – и открыл дверь магнитной картой.

– Вниз? – поинтересовался Туров.

– Нет, на крышу пойдем! – Я чуть было не схватила за лоб от возмущения, а потом вспомнила, что мне не полагается чувствовать. Жизнь ведь скучна и предсказуема.

– Плечо пусти!

– А вот и не пушу! – Он мотнул головой, и мы пошли по ступенькам в сцепке.

– Тактильные маньяки, – проворчала я себе под нос, но он услышал.

– Да ты же сейчас унесешься к своему Гамову ненаглядному, а мне что делать? Я вообще по-английски ни гугу.

Даже в отсутствие света было видно, как он покраснел. Я дернула плечом и наконец-то освободилась:

– Во-первых, ты явно проецируешь свои чувства к Гамову на меня.

Под ногами мелькали ступеньки. Через мгновение мы оба взорвались хохотом, да так, что пришлось останавливаться на пролете. У меня аж слезы из глаз брызнули, а Туров заливался, как мальчишка.

– Я боюсь предположить, что в таком случае... – его голос трясся и ходил ходуном, – что в таком случае во-вторых.

Странно, но я и не думала испытывать досады из-за неудавшейся защиты.

– Во-вторых, ты нормально говоришь по-английски, я слышала.

– Нет. – Туров был убийственно серьезен. – В таком случае я действительно проецирую на тебя свои чувства к Гамову.

– Где вы там? – нетерпеливо поинтересовался последний откуда-то снизу.

– Идем! – прокричала я и действительно сделала шаг, оглядываясь на Турова.

– Просто он мне нравится больше, чем ты. – Я пожала плечами. – И неудивительно. А по-английски ты говоришь сносно, что уж там, любопытствовала.

– В дни, когда собирала на меня компромат? – Туров ссутулился и наконец зашагал следом.

– Я всегда собираю на тебя компромат, Герман. Так что отвянь уже.

Вяло переругиваясь, мы добрались до открытых дверей подвала, в котором Гамов усаживал Эйдана поудобнее. Догадался воды взять, надо же. Мы с Туровым, в свою очередь, не принесли вообще ничего. С другой стороны, если все пойдет, как по маслу...

– Сколько книг прочитала? – резко спросил Гамов.

Я вздрогнула. Память забросила меня на истфак – и зачет по истории Отечества. Про источники нас спрашивали примерно в таком же тоне. На этот раз, правда, у меня все было в порядке.

– Семь.

Туров упал на стул, вытянул ноги и с удовольствием на нас уставился.

– На две больше, чем нужно, значит?

Я кивнула.

– Твое счастье, что я тоже прочитал семь. А то неудобно как-то вышло бы перед дорогим гостем. – Гамов ухмыльнулся.

Эйдан только и делал, что переводил взгляд с меня на него. Туров порылся в кармане, достал телефон и включил какую-то развесистую мелодию.

– Это что за цыганщина? – бросила я, потирая ладони и подпрыгивая на месте.

– Это The Horrors, между прочим, деревня! – обиженно отозвался Туров.

– Последний альбом, – кивнул Эйдан.

Сердце неприятно кувырнулось.

– Англичане? – Я искренне надеялась на отрицательный ответ.

Эйдан кивнул, а Туров расплылся в улыбке. Я прикрыла глаза – что поделать, когда дома не живешь, пропускаешь новинки – и приготовилась нырять в первую книгу. В этот момент Туров вдруг нажал на “паузу” и с заговорщическим видом произнес:

– А давайте, кто быстрее?

Гамов, стоявший около Эйдана, мгновенно сделал шаг вправо и отнял у Турова телефон.

– Давайте без “давайте”, – сердито сказал он. – Ходим вдвоем, страхуем друг друга, как обычно.

– Но Макс... – вмешался Эйдан, глядя при этом на меня. – Я так понимаю, что книги, о которых вы говорите, пока даже близко не подоברались к уровню энергии прорыва.

Гамов осторожно кивнул.

– Так и бояться тогда нечего. Хотя, конечно, я неправ, остерегаться нужно всегда, но здесь-то что такого?

Идея переливалась и манила. Все почему-то смотрели на меня. Я развела руками – жест на публику, вспомнила несчастного Бориса и, вздохнув, покачала головой.

– Нет уж. Никаких соревнований. Опасно. Заиграемся – и придет кому-нибудь конец.

Гамов наконец-то расцвел в улыбке:

– Вот это мой напарник, знакомьтесь.

Как ни старалась, не смогла не поднять уголки рта в ответ.

– Зануды, – пробурчал Туров. – Айфон верните.

Под звуки неизвестной мне песни и уверенное туровское “Смотри, за сколько упра...”, мы с Гамовым вошли в первую книгу.

Мир переменялся, заиграл красками и цветами. Светило солнце, стоял пригожий день. Гамов сощурился и протянул мне руку. Как обычно. Стало тепло и уютно.

– Что это были за фокусы с поцелуями в лоб? – задиристо поинтересовалась я, оглядываясь в поисках подходящих строений.

– А что были за фокусы с поцелуями агентов из чужих стран? – ответил вопросом на вопрос Гамов.

Я потянула его по направлению к деревьям. Вдалеке вился дымок, значит, скоро мы должны были выйти к замку.

– Эйдан рассказал?

– Нет, архангел Михаил, – возмутился Гамов.

– Смотри, – кивнула я, и он не сумел сдержать смеха. Замок напоминал плод работы художника-сюрреалиста, а все потому, что автор не догадался начертить для себя хотя бы примерный план, и комнаты прыгали по книге туда-сюда.

Земля мерно задрожала, трава полетела наверх, и мы вышли в подвал, не отпуская друг друга. Туров как раз договаривал фразу: “...ятся”, – но мы и не думали останавливаться, как в дни моих тренировок, просто шагнули в следующий роман. Тут уже должен был работать Гамов.

Глаза долго привыкали к почти полной темноте. Элегантность отделки да не наше небо за окном мгновенно сложились в планетарную станцию.

– Звезды, – брякнул Гамов, и куски обшивок немедленно полетели мимо нас.

Фокус был столь же прост, сколь и сложен. Я верила Гамову безоговорочно, Гамов перестал верить в мир, и в результате реальность развалилась почти мгновенно, а я даже утруждаться не стала.

– Так Эйдан проболтался?

Мы уже находились в школе со зловецами подростками-телепатами, проходившими по моей части.

– Учítывая, что я психовал, как не знаю кто, пока у тебя был отключен телефон, я его не виню.

Я посчитала вероятности и решила уточнить:

– А чего это ты надумал звонить мне ночью?

– По поводу Эйдана, – как-то нехотя отозвался он.

– Эй! – окликнула я девчущку лет двенадцати.

– Конечно, я вас внимательно слушаю, – проговорила она.

Гамов замотал головой в изумлении, а мы уже шагали в следующий мир.

– Блин, ну детей-то сейчас все умеют писать. Без высокого стиля.

– Как видишь, нет. Так что насчет Эйдана?

Ветер, метель, одинокий лес – и летящие куски мира.

– Он просил меня поговорить и с тобой.

– Серьезно?

Я на минуту потеряла нить беседы, потому что стоять посреди моря лавы оказалось сложновато.

– Да. Я набрал тебе, разволновался, и ему пришлось рассказать обо всем.

Я кивнула – и тут же взвизгнула. Со всех сторон на нас напóлзали демоны.

– Спокойно, – сказал Гамов, – это очень просто...

– Молчи!

– Набралась суеверий.

Последнее он проворчал, когда мы уже стояли на скале, возвышавшейся над чужеродной красивой цивилизацией.

– Самое тупое, кстати, – покачала головой я. – А суеверие, по-моему, правильное. Вот так расскажешь кому-нибудь о предполагаемой точке напряжения, а в мире ее увидеть не сможешь, потому что она уже облечена в слова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.